

В МИРЕ ЧУДЕСНЫХ ВОЛОКОН

НОВОГОДНЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ СОВЕТСКОМУ НАРОДУ

Центрального Комитета КПСС,

Президиума Верховного Совета СССР,

Совета Министров СССР

Выступление товарища А. Н. Косыгина по телевидению и радио

Дорогие товарищи, дорогие друзья!

Через несколько минут мы вступим в новый, 1973 год. В эти волнующие минуты мы обращаем свой взор к пройденному пути, ко всему, что памятно и дорого сердцу каждого советского человека.

Мы прожили с вами особенный, знаменательный для нашей страны год. В истории, в памяти народной он останется как год великого праздника — 50-летия образования Союза Советских Социалистических Республик — дружной, братской семьи наших народов.

Юбилейные торжества, итоги полувекового развития многонационального Советского государства с огромной впечатляющей силой вновь продемонстрировали наше единство, животворную силу ленинской дружбы и братства народов, могущество нашей страны.

Советские люди в полной мере ощущают замечательные плоды победы социализма, новых общественных отношений, которые обеспечили могучий взлет экономики, неуклонный рост культуры и благосостояния трудящихся.

Социализм открыл широчайшие горизонты перед всеми нациями и народностями СССР. Именно в великих преимуществах социализма, в монолитной сплоченности советского народа вокруг Коммунистической партии, его вдохновенном труде на благо Родины, в верности ленинским заветам и ленинским идеалам — мы видим источник всех наших достижений, всех наших побед.

Оценивая все, что свершили советские люди за минувший год, мы можем сказать, что начертанная партией программа дальнейшего развития социалистической экономики и культуры в целом осуществляется успешно. Последовательно проводится в жизнь курс Коммунистической партии на повышение материального благосостояния народа.

Значительно увеличилось производство промышленной продукции. Введены в строй новые крупные предприятия. Труженики сельского хозяйства, несмотря на сложные погодные условия, обеспечили валовой сбор зерна, превышающий среднегодовой уровень, достигнутый в восьмой пятилетке.

Особенно значительный вклад в обеспечение страны хлебом внесли трудящиеся Казахстана и Сибири.

В стране выращен рекордный урожай хлопка.

Советские ученые, инженеры, творческая интеллигенция добились новых успехов в развитии науки, техники, многонациональной социалистической культуры.

Самоотверженный труд передовых коллективов, рабочих, колхозников, инженеров и техников по заслугам отмечен высокими наградами Родины.

Сердечная благодарность вам, дорогие товарищи, за отличную работу, за вашу энергию и инициативу, за ваш трудовой подвиг!

1972 год ознаменовался дальнейшим укреплением содружества социалистических госу-

дарств, большими успехами в осуществлении выдвинутой XXIV съездом КПСС Программы мира.

Важные положительные сдвиги произошли на международной арене, наметился поворот в сторону урегулирования ряда кардинальных проблем, открываются благоприятные перспективы для укрепления мира и безопасности на европейском континенте.

Однако империализм еще не отказался от попыток навязать народам свою волю силой оружия. Падают бомбы американских агрессоров на города и села Вьетнама, льется кровь мирных жителей — женщин и детей. Продолжается оккупация арабских земель израильскими захватчиками.

Советские люди с гневом и возмущением осуждают разбойничьи акты империализма во Вьетнаме, они требуют скорейшего подписания Соединенными Штатами Америки соглашения о прекращении огня и восстановлении мира во Вьетнаме и подтверждают свою солидарность со всеми народами, борющимися за независимость и свободу.

Дорогие товарищи! С твердой верой в будущее, полная новых сил наша страна вступает в 1973 год. Это будет третий, решающий год пятилетки. И от того, как он будет прожит, насколько самоотверженным и упорным будет труд каждого советского человека в наступающем году — во многом зависит итог всего пятилетия, успех наших планов.

В докладе о 50-летии СССР Генеральный секретарь Центрального Комитета нашей партии Леонид Ильич Брежнев сказал:

«Советский Союз идет навстречу коммунизму.

Мы знаем — путь к нему не будет легким. Потребуется напряжение сил и энергии каждого из народов нашей страны и всех их вместе. Мы знаем — потребуется большой и вдохновенный труд, организованность, высокая политическая сознательность. Мы знаем также и то, что советские люди обладают всеми этими качествами, сумеют их проявить, сумеют добиться поставленных перед собой прекрасных целей».

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР выражают твердую уверенность в том, что наступающий 1973 год будет ознаменован новыми победами в развитии промышленности, сельского хозяйства, всех отраслей экономики, в повышении культуры и материального благосостояния народа.

В эти торжественные минуты встречи Нового года мы желаем вам, дорогие товарищи, крепкого здоровья, новых достижений в труде, учебе и творчестве.

Большого счастья и добрых успехов всем, кто встает на трудовую вахту 1973 года в заводских цехах и на стройках, на колхозных и совхозных фермах, в научных лабораториях, кто несет боевую вахту на рубежах нашей Родины.

Все мы трудимся ради того, чтобы еще сильнее и краше была наша Отчизна,

чтобы прочным был мир на земле,

чтобы еще больший достаток и счастье пришли в каждый дом,

чтобы жизнерадостными, здоровыми и трудолюбивыми росли наши дети.

Мы обращаем слова новогоднего привета

к народам братских стран социализма,

к коммунистическим и рабочим партиям,

к рабочему классу, трудящимся крестьянам, передовой интеллигенции капиталистических государств.

Наши добрые новогодние пожелания — народам, сбросившим иго колониализма и строящим новую жизнь, борцам против капитализма и империализма, против сил агрессии и войны, всем честным людям земли, выступающим за мир и социальный прогресс.

Сейчас куранты Спасской башни Кремля возвестят о наступлении 1973 года. Пусть же новый год принесет успехи и счастье каждому советскому человеку!

Пусть процветает наша любимая социалистическая Отчизна!

Слава нашей ленинской Коммунистической партии — вдохновителю и организатору всех наших побед!

Слава великому советскому народу!

С Новым годом, дорогие товарищи!

НОВОГОДНИЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Через наших корреспондентов поздравляют читателей «Огонька» с Новым годом Президент Республики Сенегал и зарубежные гости Москвы, участвовавшие в торжествах, посвященных 50-летию образования СССР.

Леопольд-Седар СЕНГОР,
Президент Республики Сенегал

НАИЛУЧШИЕ ПОЖЕЛАНИЯ

Позвольте выразить мои наилучшие пожелания читателям еженедельника «Огонек», им лично и членам их семей, а также всему народу Советского Союза.

С братским приветом!

Aux Lecteurs
de l'Hebdomadaire
OGONIOK
en leur présentant
mes voeux de bonne année
à eux et à leurs familles
ainsi que pour les peuples
de l'U.R.S.S.
– fraternellement
Dakar 9 Décembre 1972

Ромеш ЧАНДРА,
Генеральный секретарь Всемирного Совета Мира

НОВЫЕ ПОБЕДЫ

Дорогие читатели «Огонька»!

По решению Всемирного Совета Мира 1973 год будет годом подготовки ко Всемирному конгрессу миролюбивых сил, который будет проходить под лозунгом: «За мир, безопасность и национальную независимость». Конгресс состоится осенью этого года в Москве и внесет большой вклад в дело борьбы за всеобщее счастье на земле.

Позвольте выразить всем вам наилучшие пожелания в 1973 году, чтобы советский народ добивался новых успехов и одерживал новые победы на пути к миру, безопасности и независимости народов.

Romesh Chandra

Альфредо ВАРЕЛА,
лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами»

НА БЛАГО ВСЕХ

Впервые мне удалось побывать в Советском Союзе зимой 1948/49 года. Хорошо помню, как в Москве встречал Новый год. Это было тяжелое и трудное время — период восстановления народного хозяйства после Великой Отечественной войны, в которой советский народ ценой стольких жертв одержал победу над гитлеровским фашизмом.

Позднее я посещал вашу страну неоднократно. И вот, когда прошло четверть века после моей первой поездки в Советский Союз, мне выпало счастье присутствовать в Москве, в Кремлевском Дворце съездов, на торжественном заседании, посвященном 50-летию образования СССР. Я еще раз убедился в том, каких огромных достижений добился советский народ в строительстве коммунистического общества. Я испытываю при этом большую радость и глубокое удовлетворение, так как абсолютно убежден, что исторические свершения и твердая, последовательная политика мира Советского Союза оказывают растущее влияние на мировое развитие, оказывают неоценимую помощь в борьбе всех народов земли за лучшее будущее.

Я счастлив, дорогие советские братья и сестры, что находился среди вас во время юбилейных торжеств, горжусь вашими великими делами.

Сердечно и по-братски желаю вам, гражданам Страны Советов, вам, строителям коммунизма, всяческих успехов в построении светлого будущего на благо не только советского народа, но и всего прогрессивного человечества.

Карлтон ГУДЛЕТТ,
негритянский общественный деятель (США)

МЕЧТЫ И ЯВЬ

Для меня составляет огромное удовольствие выразить теплые пожелания читателям журнала «Огонек» в новом, 1973 году.

Я только что имел возможность участвовать в торжествах по случаю 50-й годовщины образования СССР. Это дало мне возможность убедиться в том, что и грядущие годы будут наполнены таким же энтузиазмом и такими же достижениями.

Я искренне желаю советским людям идти тем же вдохновенным путем, следуя от одного успешно выполненного плана к другому. Желаю вам прожить еще много счастливых, богатых лет в этом мире, который видит, как ваши самые заветные мечты становятся явью.

Carlton B. Goodlett
12/23/72

ОРГАНИЗАЦИИ СОЛИДАРНОСТИ НАРОДОВ АЗИИ И АФРИКИ — 15 ЛЕТ

ВАЖНЫЙ ВКЛАД В БОРЬБУ

Вот что рассказал корреспонденту журнала «Огонек» Ю. Свердлову советский представитель в Постоянном секретариате ОСНАА Каландаров С. И.

Пятидесятые годы. Период мощного подъема общественно-политической активности народных масс Азии и Африки. Пламя национально-освободительной борьбы охватило не только азиатские и ближневосточные страны, но и многие африканские страны. Народы двух континентов чувствуют необходимость взаимодействия и поддержки друг друга в борьбе за независимость и прогресс. Это благородное стремление нашло свое выражение, в частности, в движении солидарности народов двух континентов, которое было провозглашено в декабре 1957 года на Учредительной конференции антиимпериалистических прогрессивных сил. Так родилась Организация солидарности народов Азии и Африки. Ее место рождения — Каир, столица Египта, разорвавшего одним из первых оковы империалистического и феодального господства.

Вот уже пятнадцать лет штаб-квартира ОСНАА, расположенная на берегу древнего Нила, на стыке двух континентов, связана невидимыми, но ощутимыми нитями со многими странами Азии и Африки. Сегодня ОСНАА — массовая международная демократическая организация. В ее рядах 78 национально-демократических партий, национально-освободительных движений и общественных организаций афро-азиатских стран. Их объединяет единая платформа борьбы против колониализма и империализма, за социальный и экономический прогресс. Все эти годы Организация солидарности народов Азии и Африки проявляет себя как важный фактор антиимпериалистического единства двух континентов.

ОСНАА считает себя частью широкого демократического антиимпериалистического фронта. Поэтому она постоянно координирует свою деятельность с другими прогрессивными международными и национальными организациями, выступая совместно с ними против общего врага — империализма и реакции.

Общественность Советского Союза с первых дней существования движения афро-азиатской солидарности принимает в нем самое активное участие. Советский комитет солидарности стран Азии и Африки, выражая интересы всех народов нашей страны, оказывает широкую поддержку и помощь всем подлинным борцам за свободу, независимость и социальный прогресс в Азии и Африке.

В связи с 15-й годовщиной создания ОСНАА в ее адрес поступили многочисленные приветствия от глав независимых азиатских и африканских государств, лидеров национально-освободительных движений, международных демократических организаций. С большим подъемом в Организации солидарности народов Азии и Африки было встречено теплое послание Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. В нем товарищ Л. И. Брежнев отметил, что за истекшие годы национально-освободительное движение одержало большие победы в своей неустанной борьбе против колониализма, империализма, расизма и реакции. Он также выразил уверенность, что ОСНАА будет и впредь вносить важный вклад в борьбу за мир, демократию, национальную независимость и социальный прогресс.

ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Владимир НИКОЛАЕВ

Несколько лет назад я встретился в Москве с четырьмя молодыми американцами. В знак протеста против агрессии США во Вьетнаме они сбежали с авианосца и через Японию и Советский Союз направлялись в Швецию. Это были первые ласточки, предвестники поистине всемирной волны возмущения преступлениями американской военщины в Индокитае. Потом уже в Швеции я видел, как неуклонно растет число бегущих туда американских военнослужащих из Вьетнама, как шведские юноши и девушки выходят вместе с ними на демонстрации протеста у здания посольства США в Стокгольме.

Разумеется, официальная Америка всегда предавала анафеме и по возможности преследовала всех сочувствующих борющемуся вьетнамскому народу. Но на днях произошло нечто такое, что, с одной стороны, продемонстрировало неодолимую логику развития движения за мир во Вьетнаме, а с другой — показало полный провал американской политики. Государственный департамент США заявил резкий протест по поводу выступления шведского премьер-министра Пальме с осуждением американской агрессии во Вьетнаме. Наглый и растерянный, теперь уже бессмысленный окрик из-за океана!

Да, своей безрассудной политикой по отношению к Вьетнаму Соединенные Штаты не только восстановили против себя народы мира, но и скомпрометировали себя в глазах своих же союзников. В Канберре официально объявлено, что Австралия прекращает военную помощь сайгонскому марионеточному режиму. Последние австралийские военные советники покинули Южный Вьетнам. Ранее оттуда были выведены филиппинские и таиландские войска.

Последние месяцы минувшего года человечество жило ожиданием прекращения военных действий во Вьетнаме. Эти надежды были развеяны в прах взрывами бомб, посыпавшихся на землю Демократической Республики Вьетнам 18 декабря. Началась новая эскалация грязной войны США во Вьетнаме.

За восемь лет активной воздушной войны в Индокитае, начиная с 1965 года, самолеты США сбросили более шести миллионов тонн бомб. Это означает, что на сравнительно небольшую территорию было обрушено в три раза больше бомб, чем на всю Европу, Африку и Азию в годы второй мировой войны. Жертвами американских бомбардировок стало свыше одного миллиона мирных жителей, из которых триста двадцать пять тысяч погибли. Более шести миллионов южных вьетнамцев, то есть треть всего населения, были лишены крова, средств к существованию и стали беженцами.

Страшные цифры! Но что, кроме позора, принесла эта статистика агрессору? Вьетнамские патриоты, несмотря ни на что, усиливали отпор врагу. То же самое произошло и в дни новых, невиданных по своей интенсивности декабрьских бомбежек. «Нынешние из ряда вон выходящие потери,— пишет «Нью-Йорк таймс»,— указывают на то, что северовьетнамцы вовсе не испугались, а, напротив, как обычно, отвечают на эскалацию новыми энергичными действиями. Такова история войны, в которой невозможно одержать победу». За этой вполне справедливой сентенцией также стоит статистика: в течение десяти дней последних бомбежек было сбито 77 американских самолетов, в том числе 33 гигантских «В-52».

Весь мир вскипел гневом, узнав о новых злодеяниях американской военщины во Вьетнаме. В самих Соединенных Штатах также поднялась мощная волна протеста.

30 декабря представитель Белого дома заявил, что президент США Никсон распорядился прекратить воздушные налеты на ДРВ к северу от 20-й параллели. Одновременно было сообщено, что США согласны возобновить конфиденциальные переговоры по Вьетнаму в Париже.

Представитель делегации ДРВ на парижском совещании заявил, что возобновление бомбардировок республики в то время, когда шли переговоры, не смогло сломить вьетнамский народ. В связи с заявлением Белого дома ДРВ и ВРП РЮВ согласны на возобновление переговоров.

В докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик» Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев сказал: «Для всех уже ясно, что военная авантюра США во Вьетнаме потерпела провал. И никакие новые злодеяния не сломят волю героического вьетнамского народа, не поколеблют решимости его друзей оказывать ему всемерную поддержку и помощь в его справедливой освободительной борьбе».

Скорейшее подписание Соединенными Штатами Америки соглашения о прекращении огня и восстановлении мира во Вьетнаме — таково веление времени.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

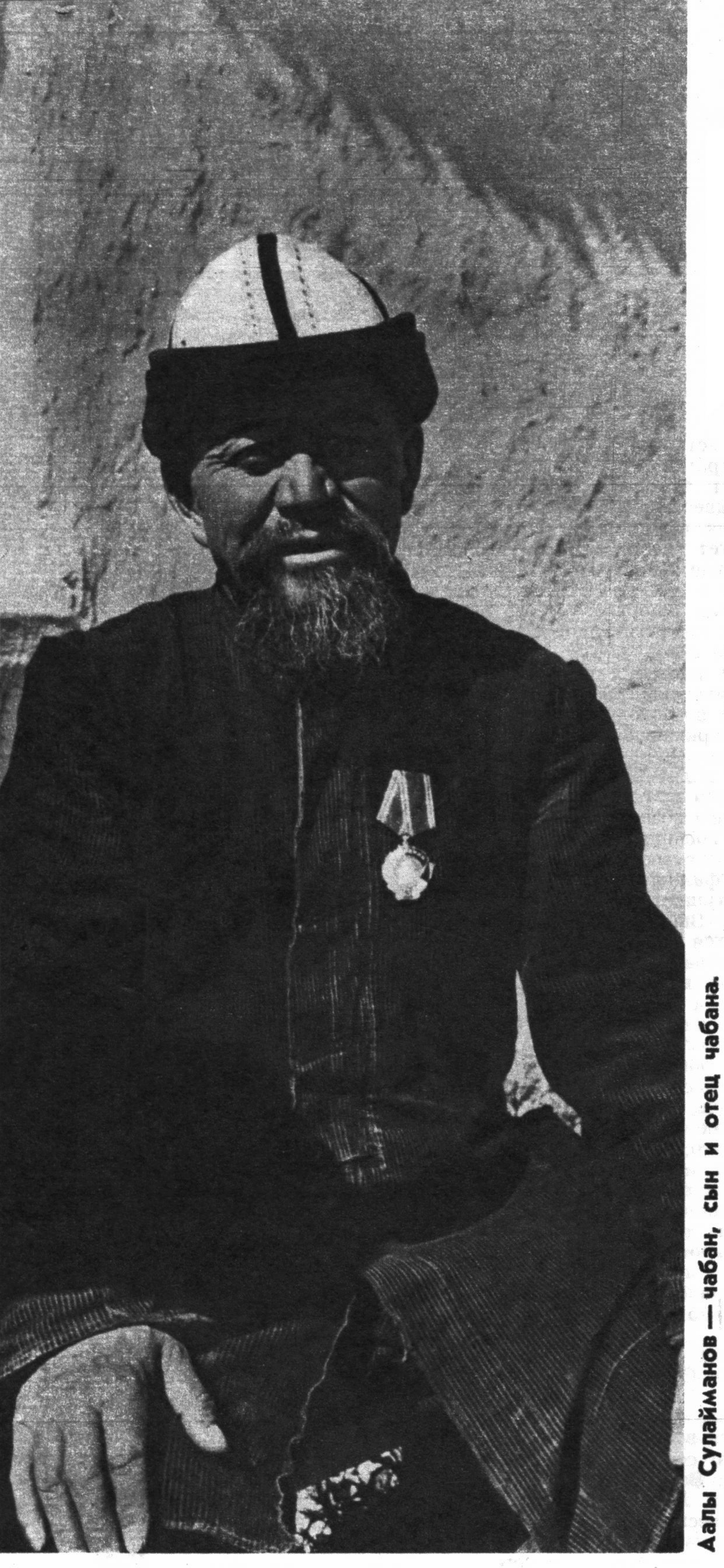
Основан 1 апреля 1923 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

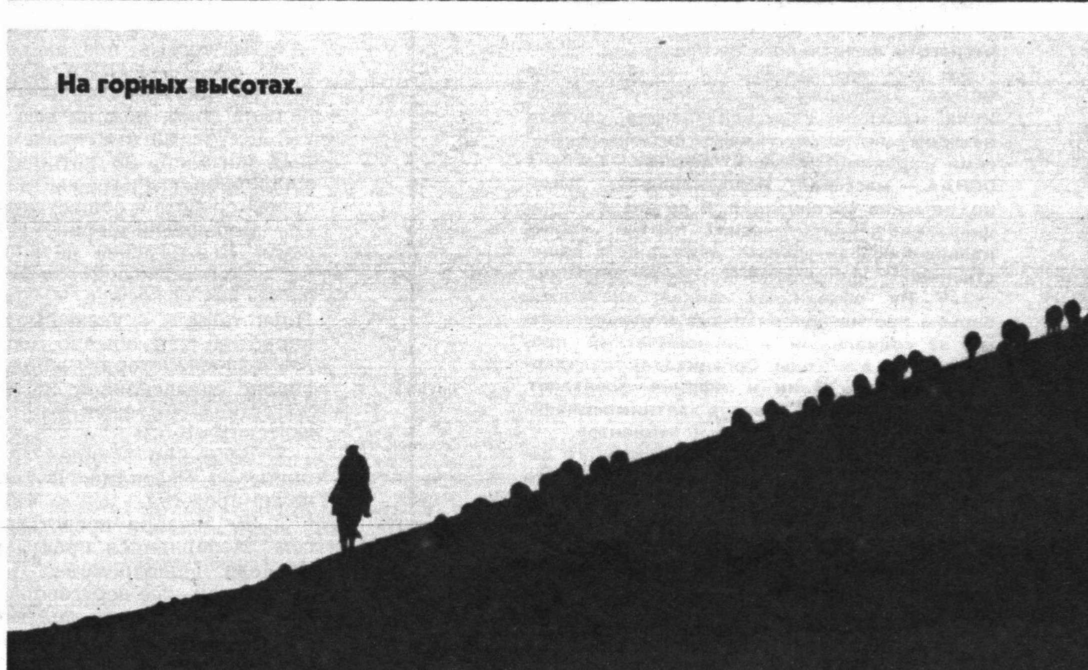
№ 2 (2375)

6 ЯНВАРЯ 1973

Аалы Сулайманов — чабан, сын и отец чабана.

На горных высотах.

ЛЮДИ НА ВЕР

ГОД ТРЕТИЙ, РЕШАЮЩИЙ

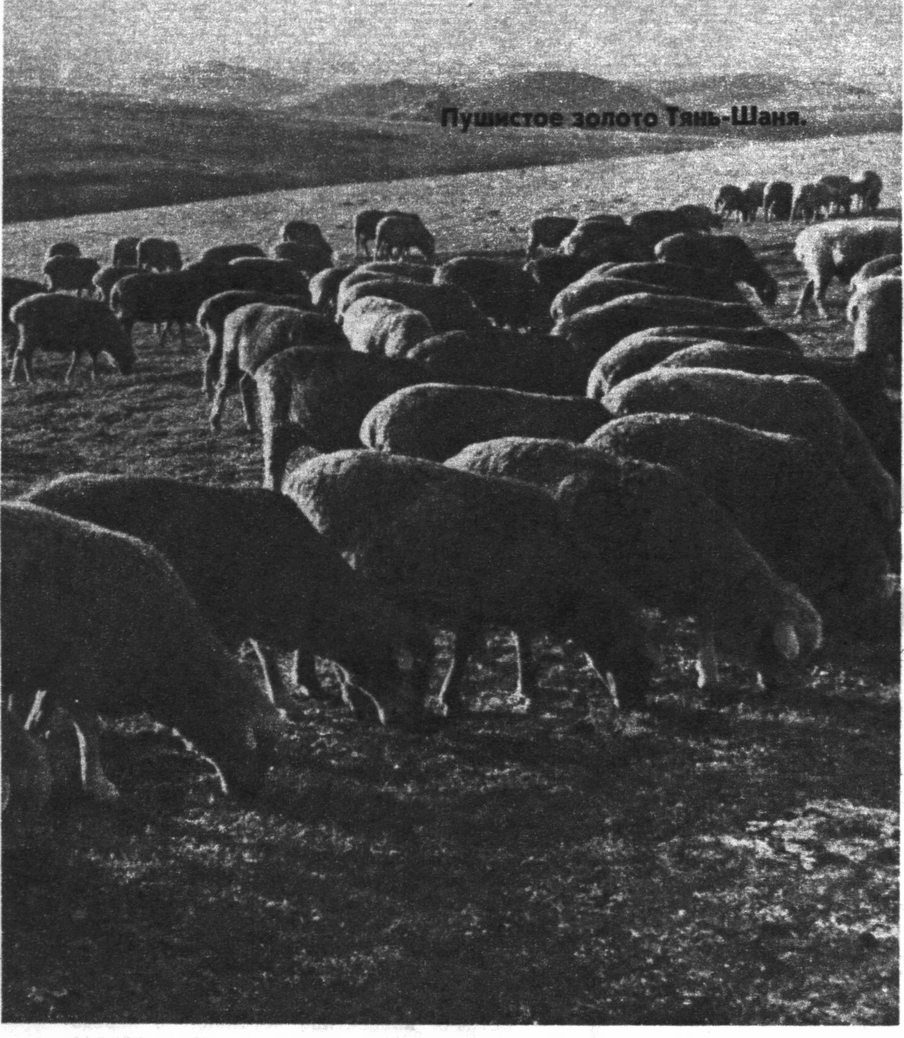
Киргизия. Край альпийских лугов и пастбищ, край талантливых мастеров животноводства. Здесь круглый год — летом на высокогорных джяйлоо, зимой в более теплых долинах — пасутся многотысячные стада овец.

Первые годы девятой пятилетки внесли большие изменения в традиционное пастбищное хозяйство этой республики. Еще большее ожидается в новом году. На новые рубежи года третьего, решающего выходят мастера овцеводства. О них наш репортаж.

Н. ХРАБРОВА

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Снежные бураны клубятся над пиками Сарыджаз — желтого хребта. В это время года грозен и недосягаем Тянь-Шань. Опустели горные долины, и только лохматые яки смело скачут по зубцам хребтов. Когда начинается вьюга, они выходят в сквозной распадок Бель-Саз и подставляют снежным вихрям рогатые морды. Рассказывают чабаны: чем сильнее буран, тем упорнее стоят стада яков встречь ветру, и глаза у них неми-

Пушистое золото Тянь-Шаня.

гающе широко открыты, ноздри трепещут и радостно ловят летящий холод.

Эти яки принадлежат киргизскому колхозу «Джаны-Талап».

В положенное время чабаны Бель-Саза под наблюдением ветеринарного врача Асанбая Омуралиева остригли яков, теперь шерсть отрастает, за зиму станет длинной и плотной, и снова увеличится шерстяное богатство колхоза. Но до этого еще далеко. Люди придут сюда не раньше весны. А сейчас в белых космах буранов в распадке Бель-Саз, как черные мохнатые духи древних легенд, носятся яки, выбивают копытами из-под льда и снега сухую траву.

У яков своя судьба, у овец своя.

ШИНАХ

— Овцы привыкли к людям,— говорит чабан Кубат Балбаев,— они доверяют нам, надеются на нас, и никак нельзя оставить их без защиты и помощи в зимнее время.

Высоко в горах раскинулся «Джаны-Талап», центральный его поселок выстроился на высоте 2100 метров, а летние пастбища лежат еще выше, в нагорье Тешик, на высоте трех километров, где особенно питательны травы — швак, бетеге, таана. С февраля по октябрь пасутся на джяйлоо все 90 тысяч овец этого колхоза, одного из крупнейших хозяйств Киргизии. Сама природа, и суровая и добрая, всегда была здесь главным селекционером. В годы Советской власти на помощь природе пришла наука, и содружество это, науки и горной природы, создало особую породу овец — тянь-шаньскую тонкорунную, славную и тонкой шерстью и нежным, душистым мясом. Посредниками между природой и наукой стали чабаны.

В октябре мастер овцеводства Киргизии Кубат Балбаев и его жена Масынбубу спустились с вершин Бель-Саза, где они пробыли всю весну, лето и осень. К зиме они перевели овец на нижние пастбища. Здесь кошары и теплые дома для чабанов. Отсюда легко спуститься и так же легко подняться на «Волге», которой Балбаевых премировал колхоз. Здесь Кубату и Масынбубу удобно и уютно в их пятикомнатном доме, где есть все, что нужно современному человеку.

Зима — время активного участия в работе колхозной партийной организации, а Кубат — член партии уже десять лет. Зима — это время телевизоров, кино, клубов, спорта, а Кубат занимается борьбой. Зима — спокойное время, если, конечно, благополучно с кормами. И зима — это время, когда колхозный чабан вместе с полеводами должен все же думать и о кормах для будущего года.

Быстро, однако, привыкает человек к новому. Еще недавно в зимовьях Тянь-Шаня было неизвестно слово «полевод», теперь житель горных вершин сидит на тракторе, как заправский кубанец. Теперь житель гор умеет пользоваться поливальными машинами и пресс-подборщиками, он уже стал умелым механизатором и электриком.

Еще недавно мысль о том, что надо сеять травы, жителю Тянь-Шаня казалась странной: как сеять, если, кроме картофеля, на таких высотах ничего не растет? Зачем сеять, если горные склоны покрыты прекрасной травой, а снежные месяцы недолги? Но много овец погибало прежде в эти короткие снежные месяцы. И вот агрономы отметили: культурные травы, люцерна и эспарцет, прекрасно растут на высотах и даже дают по два урожая в год. Теперь уж никого на Тянь-Шане не удивишь этими названиями — «люцерна» и «эспарцет». Один у них недостаток: охотнее растут на плато. Поэтому и на Тянь-Шане настало время, когда трактористы распахивают каждый пологий клочок земли и сносят бульдозерами там, где можно, невысокие вершины, зарывают неглубокие распадки — превращают их в плато. Вот что такое полевод на Тянь-Шане.

Зимой овцы «Джаны-Талапа» получают по 200 граммов концентратов в день. Такого тоже еще недавно не слышали на Тянь-Шане. Зимой овцы пасутся в больших загонах, и чабану спокойно. Он ждет беспокойной весны и возвращения на джяйлоо. Ему с детства ведом извечный закон джяйлоо: чабан там не должен спать. Если он спит, спят и овцы — значит, они не наедаются вдоволь, значит, надо подымать их и перегонять с одного пастбища на другое, с наступлением рассвета греть на солнце, в полдень дать отдохнуть в тени и снова подымать и перегонять на новые склоны.

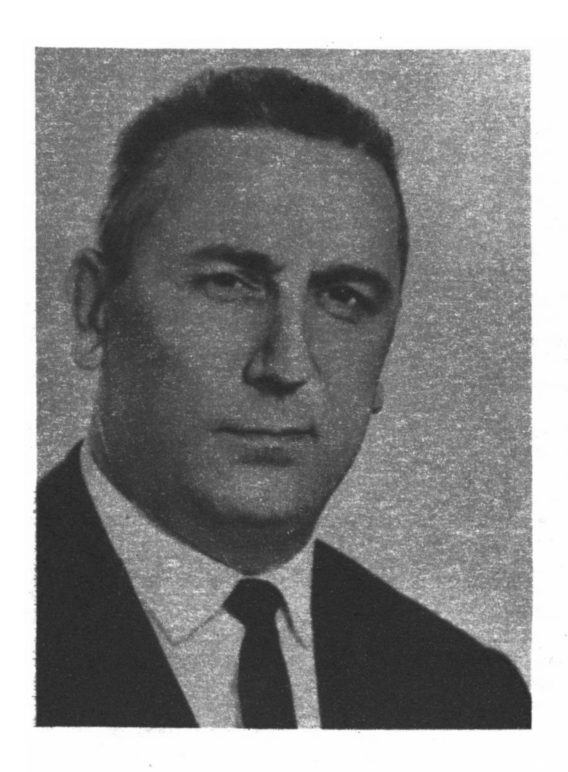
По силам ли это чабану? По силам, если с ним на джяйлоо жена.

Масынбубу Балбаева всегда с мужем на джяйлоо. Дети выросли и стали студентами и с родителями виделись в основном летом, когда приезжали в их палатку на Тешик. Если Кубат уставал, Масынбубу садилась на его чалого коня и пасла овец. Иногда отбивала отару от волков, иногда спасала от снежных обвалов. И когда Масынбубу наградили орденом Трудового Красного Знамени, это не удивило никого на Тянь-Шане, потому что справедливо: ведь чабан без жены на джяйлоо — это только половинка чабана. Разве без Масынбубу Кубат добился бы таких успехов: 120 ягнят от 100 овцематок, три с половиной килограмма шерсти с каждой овцы и 99 процентов сохранности поголовья в самых суровых условиях зимовки?..

Высокий культурный уровень овцеводства установился нынче на Тянь-Шане, и колхоз «Джаны-Талап» вносит большой вклад в богатство Киргизии — пушистую шерстяную кудель. И еще много мяса дает республике этот колхоз. Большие у колхоза успехи, и недаром отмечен он орденом Октябрьской Революции.

Высоким жизненным уровнем могут похвалиться нынче жители горных вершин, потому что они научились пользоваться техникой, стремятся к знаниям и умеют предусмотреть, предугадать каверзы своей суровой природы. Достаток кормов — это нынче закон работы всех бригад. И на нынешнюю зиму кормов в «Джаны-Талапе» запасли вдоволь.

Колхозники страны горячо одобрили постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС о развертывании социалистического соревнования работников животноводства. Это постановление одобрено и всеми животноводами Киргизии. Заместитель министра сельского хозяйства республики товарищ Асымбеков сообщил редакции «Огонька», что план по заготовке кормов выполнен и сейчас республика включается в соревнование за наилучшее проведение зимовки. Успеха ей!

БОРЕЦ ЗА ДЕЛО РАБОЧЕГО КЛАССА

Первому секретарю ЦК ПОРП товарищу Эдварду Гереку, выдающемуся политическому и государственному руководителю народной Польши, видному деятелю международного коммунистического и рабочего движения, исполняется 60 лет.

Родился Эдвард Герек 6 января 1913 года в Силезии, в селе Порёмбка, в семье потомственного шахтера. С ранних лет он познал всю тяжесть капиталистической эксплуатации, невзгоды и лишения, на которые были обречены рабочие в буржуазной Польше. Тысячи шахтерских семей из-за острой безработицы вынуждены были покидать родину. В 1923 году после трагической смерти отца, погибшего во время обвала на шахте, семья Э. Герека эмигрировала во Францию. С тринадцати лет Э. Герек вынужден был зарабатывать на хлеб. Он вспоминает, как впервые спустился в шахту: «Я был тогда еще так мал, что шахтерская лампа задевала за землю».

Э. Герек становится активным борцом за дело рабочего класса. В 1931 году он вступил в ряды Французской коммунистической партии, участвовал в классовых боях, руководил стачечным движением.

В 1934 году за участие в забастовке Э. Герек был арестован и выслан из Франции в Польшу. В 1937 году он в поисках работы вновь эмигрировал, на этот раз в Бельгию, где также работает шахтером. Здесь он ведет политическую деятельность в рядах Коммунистической партии Бельгии.

В период фашистской оккупации Э. Герек участвовал в движении Сопротивления, был ответственным за подпольную партийную печать.

В 1948 году Э. Герек возвратился на родину и сразу же с присущими ему энергией и энтузиазмом включился в партийную работу.

Э. Герек занимает ответственные посты в партийном аппарате в Силезии. Он много сделал для восстановления этого важнейшего индустриального района Польши.

С марта 1954 года Э. Герек бессменно является членом ЦК ПОРП. В 1956 году он был избран секретарем ЦК, а затем членом Политбюро ЦК ПОРП. С 1957 года совмещает этот пост с обязанностями первого секретаря Катовицкого воеводского комитета ПОРП.

Многолетняя работа в партии, среди рабочих, активная и принципиальная политическая деятельность, большая забота о людях труда снискали Э. Гереку огромный авторитет, признание и симпатии среди польского народа.

Авторитет Э. Герека, его организаторский талант и прозорливость политического деятеля в полной мере проявились в сложные дни декабрьских событий в Польше в 1970 году. Центральный Комитет ПОРП на своем 7-м пленуме 20 декабря 1970 года единодушно избрал его Первым секретарем Центрального Комитета ПОРП.

Под руководством Э. Герека партия быстро и смело вскрыла причины создавшегося положения. Подтвердив незыблемость генеральной линии на строительство социализма, она внесла необходимые изменения в социально-экономическую политику, в стиль и методы партийного и государственного руководства.

«Мы хорошо видим большую, искреннюю заботу об интересах трудового народа, о постоянном укреплении связи с трудящимися массами, которую проявляет ваша партия, ее Центральный Комитет во главе с верным сыном польского рабочего класса, нашим другом и товарищем Эдвардом Гереком»,— сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в своем выступлении на VI съезде ПОРП.

В настоящее время ПОРП под руководством Центрального Комитета и его Первого секретаря Э. Герека активно работает над реализацией решений VI съезда.

Э. Герек всегда подчеркивает ключевое значение для польских коммунистов верности бессмертному ленинскому учению, пролетарскому интернационализму как главному условию успешной борьбы и деятельности партии. Он активно выступает за укрепление единства рядов мирового коммунистического движения на основе принципов марксизма-ленинизма, за укрепление сплоченности стран социалистического содружества.

Э. Герек всегда подчеркивает жизненную важность для Польши развития и укрепления братских отношений и сотрудничества между ПОРП и КПСС, между ПНР и СССР. Выступая на торжественном собрании по случаю 50-летия образования СССР, Э. Герек говорил: «Народную Польшу с Советским Союзом объединяют общественные, национальные и государственные интересы. Союз со Страной Советов предопределил освобождение и возрождение нашего государства в его новых границах. Братская дружба и тесное взаимодействие с Советским Союзом открыли перед Польшей новые перспективы социалистического развития».

Весь жизненный путь Э. Герека — убежденного коммуниста-интернационалиста, искреннего друга Советского Союза — является ярким примером верного служения делу рабочего класса.

Советские люди от всей души желают товарищу Эдварду Гереку много сил, здоровья и больших успехов в благородной борьбе за торжество социализма.

К. ПЕТРОВ

АЛТАЙСКИЕ

Встречи коллектива «Огонька» с передовиками Алтайского края уже становятся традицией. В дни волнующих событий они приезжают к нам в редакцию рассказать о своих успехах, поделиться планами на будущее. Первая такая встреча состоялась в дни работы XXIV съезда КПСС, вторая — в канун празднования 50-летия со дня образования Союза ССР. Несколько часов продолжалась задушевная беседа, из которой зримо возникал облик могучего сибирского края с его огромными степными просторами, горами, озерами... Перед нами развернулась яркая картина самоотверженного труда жителей прославленного орденоносного Алтая. В своем выступлении первый секретарь крайкома КПСС, Герой Социалистического Труда А. В. Георгиев, в частности, сказал:

— Край у нас интернациональный, населяют его представители семидесяти национальностей и народностей, которые живут в большой дружбе. В 1972 году они еще раз продемонстрировали, чего могут добиться советские люди. Год сложился трудный, потребовавший напряжения всех сил, особенно в сельском хозяйстве. Мы дали стране невиданное доселе количество хлеба — свыше пяти миллионов тонн. Такого урожая Алтай еще не знал. Но, чтобы собрать его, тысячи людей работали с огромным напряжением. Хлеб в Сибири поспевает поздно, а снег ложится рано, потому и нужно успеть выхватить решающий десяток дней. Нынче на комбайнах у нас работали все — и учителя, и врачи, и даже двести киномехаников, которые, отработав смену, потом еще демонстрировали людям фильмы. Семь тысяч женщин-механизаторов трудились не покладая рук. На уборке отличились целые семьи, составившие трудовые династии. Таких «семейных» экипажей у нас работало четыреста восемьдесят!

В ОЗНАМЕНОВАНИЕ ВЕЛИКОЙ ДРУЖБЫ

В честь 50-летия образования Союза ССР в столице нашей Родины решено воздвигнуть монумент «Дружба народов», символизирующий интернациональную сплоченность и единство, братство и дружбу всех наций и народностей великой Страны Советов.

На Арбатской площади столицы будет сооружен архитектурный ансамбль, центром которого станет Дом мира и дружбы народов.

29 декабря здесь состоялся торжественный митинг, который открыл председатель исполкома Моссовета В. Ф. Промыслов.

По поручению МГК КПСС и исполкома Моссовета под звуки Государственного гимна СССР секретарь Московского городского комитета партии Л. И. Греков открывает закладной камень монумента «Дружба народов».

В тот же день Указами Президиума Верховного Совета СССР орденом Дружбы народов были награждены все союзные и автономные республики, автономные области и национальные округа нашей великой страны.

ВЕРНЫЙ СЫН НАРОДА

Коммунисты, трудящиеся Чехословацкой Социалистической Республики, Советского Союза, других стран 10 января отмечают 60-летие со дня рождения выдающегося партийного и государственного деятеля ЧССР, видного деятеля международного коммунистического и рабочего движения, Генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии товарища Густава Гусака.

Г. Гусак, росший в бедной трудовой семье, с юношеских лет приобщился к революционным организациям молодежи; в 1929 году в 16-летнем возрасте он вступил в комсомол, а в 1933 году — в Коммунистическую партию Чехословакии. Г. Гусак активно вел политическую работу среди молодежи, рабочих и интеллигенции, сотрудничал в партийной печати; в 1937 году был избран генеральным секретарем Общества культурного и экономического сближения с Советским Союзом в Словакии, а с 1939 года стал членом подпольного руководства Братиславской городской партийной организации. За коммунистическую деятельность в годы господства фашистов в Словакии он неоднократно подвергался арестам и тюремному заключению.

В 1943 году Г. Гусак вошел в пятый подпольный ЦК Компартии Словакии и вместе с К. Шмидке и другими товарищами организовывал борьбу против гитлеровских захватчиков, играл выдающуюся роль в подготовке и руководстве Словацким национальным восстанием, вспыхнувшим в августе 1944 года. Являясь одним из руководителей Компартии Словакии и членом Президиума Словацкого национального совета, Г. Гусак вел в Словакии большую политическую и организаторскую работу; на освобожденной Советской Армией территории страны принимал активное участие в восстановлении хозяйства, налаживании работы партийных организаций, в создании и укреплении органов народной власти. С 1946 по 1950 год Г. Гусак был председателем корпуса уполномоченных (правительства) Словакии, с апреля 1945 года являлся членом ЦК КПЧ.

В 1950 году Г. Гусак в результате необоснованных обвинений был снят с руководящих постов, а затем — репрессирован; в 1963 году полностью реабилитирован и восстановлен в партии. Работал затем в Словацкой Академии наук, а в апреле 1968 года был утвержден заместителем председателя правительства ЧССР.

В 1968 году после январского пленума ЦК КПЧ в новом руководстве ЦК КПЧ, как известно, взяли верх правые оппортунисты, и оно оказалось неспособным обеспечить на основе марксизма-ленинизма дальнейшее развитие социалистического общества.

Г. Гусак вместе с другими преданными делу партии коммунистами и патриотами выступил в защиту дела социализма в ЧССР. Опираясь на братскую, интернациональную помощь социалистических стран, марксистско-ленинские силы в КПЧ мобилизовали рабочий класс, всех трудящихся на защиту завоеваний социализма, на борьбу против антисоциалистических сил и правых оппортунистов. Будучи с августа 1968 года Первым секретарем ЦК КПС и членом Президиума ЦК КПЧ, он прилагал большие усилия для нормализации положения в стране. Коренной перелом в развитии обстановки в партии и стране наступил после апрельского пленума ЦК КПЧ 1969 года, избравшего новое руководство партии во главе с Первым секретарем ЦК КПЧ Г. Гусаком. Возглавляемый им ЦК КПЧ развернул целеустремленную работу по сплочению партии на принципах марксизма-ленинизма, восстановлению ее дееспособности и руководящей роли по упрочению социализма в ЧССР.

XIV съезд КПЧ, состоявшийся в конце мая 1971 года, на котором Г. Гусак выступил с отчетным докладом ЦК, подвел черту под сложным периодом в развитии Чехословакии. Съезд наглядно продемонстрировал победу марксистско-ленинских сил в борьбе за восстановление КПЧ как партии ленинского типа, повышение ее руководящей роли, ознаменовал торжество принципов пролетарского интернационализма. 29 мая 1971 года на пленуме ЦК КПЧ Г. Гусак был избран Генеральным секретарем ЦК КПЧ. Он является также председателем ЦК Национального фронта ЧССР.

В настоящее время чехословацкий народ под руководством КПЧ добился новых успехов в социалистическом строительстве, в развитии народного хозяйства, культуры и науки, в подъеме благосостояния трудящихся.

Г. Гусак на протяжении всей своей деятельности последовательно выступает за укрепление братской дружбы и тесного сотрудничества между КПЧ и КПСС, между народами Чехословакии и Советского Союза. В августе 1969 года Президиум Верховного Совета СССР за выдающиеся заслуги и героизм, проявленные в совместной борьбе с общим врагом — немецко-фашистскими захватчиками в период Словацкого национального восстания, наградил Г. Гусака орденом Ленина.

Верный сын своего народа, отдающий все силы борьбе за торжество идей марксизма-ленинизма, за построение социализма в Чехословакии, дальнейшее сплочение социалистических стран и укрепление международного коммунистического и рабочего движения, большой друг Советского Союза, Г. Гусак пользуется глубоким уважением трудящихся нашей страны.

Советские люди от всей души желают товарищу Густаву Гусаку доброго здоровья, много сил и новых успехов в его плодотворной деятельности на благо народов братской социалистической Чехословакии.

С. СЕРГЕЕВ

ГОРИЗОНТЫ

Мы ведем интересное соревнование — в честь передовых людей края, имени которых учреждены премии. Вручение этих премий победителям проходит очень торжественно.

В 1972 году в напряженные дни у нас побывал Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Встреча с ним была для нас чрезвычайно полезна, состоялся обмен мнениями, который очень помог нам в период уборки.

Успехи наши велики, а задачи и заботы еще больше. Мы вступаем в третий решающий год пятилетки, которую мы должны выполнить досрочно. Нам надо дать миллиард пудов хлеба. За два года мы сдали более половины. Если так дело пойдет и дальше, то мы завершим пятилетку по хлебу на год раньше срока. Но Алтай ведь еще и промышленный край, и тут мы тоже имеем большие обязательства перед Родиной. Так что дел у нас хватает...

Об успехах тружеников дважды орденоносного Алтая рассказывали также и другие участники встречи.

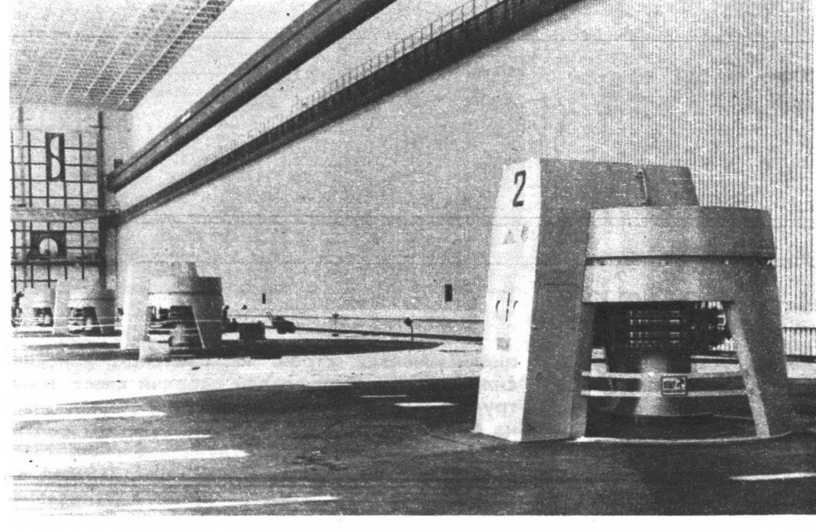
На снимке (слева направо): сварщица Алтайского тракторного завода Р. И. Завадская, первый секретарь крайкома КПСС, Герой Социалистического Труда А. В. Георгиев, бригадир совхоза «Беловский», Герой Социалистического Труда А. М. Фоминых, директор Алтайской опытной станции садоводства И. П. Калинина, председатель колхоза «Победа», Герой Социалистического Труда Я. Г. Петерс (сидят), заместитель заведующего отделом крайкома КПСС В. А. Сафронов, председатель колхоза «Россия», Герой Социалистического Труда И. Я. Шумаков, секретарь Барнаульского горкома КПСС В. В. Поляков, секретарь крайкома КПСС Н. Ф. Аксенов, директор завода «Трансмаш» А. З. Колосов.

Фото А. Бочинина.

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

БОЛЬШОЙ СВЕТ

Машинный зал гидроэлектростанции Железные ворота.

ОКТАВИАН ГРОЗА, первый заместитель председателя Национального совета по науке и технике Социалистической Республики Румынии, беседует со специальным корреспондентом «Огонька» Г. Куликовской.

В канун большого праздника румынского народа — 25-летия со дня провозглашения республики — мне довелось побывать в Румынии. Я видела новые улицы и кварталы городов, радующие разнообразием архитектурных ансамблей и форм, заводские цеха, оборудованные по последнему слову техники, и сельскохозяйственные фермы, похожие на цеха. Румыния гордится успехами тяжелой индустрии. Энергетика — основа основ современной экономики. Прогресс познается в сравнении, потому наш разговор с товарищем Октавианом Гроза, который долгое время был министром электроэнергетической промышленности, начался с прошлого.

— Вы знаете, что первым городом в Западной Европе, который получил электрический свет, был город Тимишоара? Вырабатывала его по тем временам большая, а в современных масштабах крохотная ГЭС — мощностью всего около трех мегаватт. В Тимишоаре пошел и первый в Румынии троллейбус. Объясняется все очень просто: в этом городе жил и творил выдающийся румынский ученый Миклоши. Он и создал из своих учеников и последователей школу, на которой воспитывалось не одно поколение румынских энергетиков.

— Не имеете ли вы лично отношения к этой школе?

— Позже в Тимишоаре был открыт Политехнический институт; я учился там, а потом в Москве.— Октавиан Гроза перешел на русский язык, и беседа продолжалась дальше без переводчика.

— Да, я был студентом факультета гидростроительства МИСИ — Московского инженерно-строительного института. Но вернемся к нашему разговору. В условиях королевской Румынии нельзя было достичь сколько-нибудь значительных успехов в электрификации. Металлургическая и нефтедобывающая промышленность и транспорт были развиты крайне слабо, энергосистем не было. Существовала всего лишь одна линия электропередачи на 110 киловольт, длиной примерно сто километров. Да что говорить! Выработка электроэнергии в год едва достигала миллиарда киловатт-часов, на душу населения приходилось всего лишь 72,4 киловатт-часа. А в этом году страна получила 44 миллиарда киловатт-часов электроэнергии. В сорок четыре раза больше! За несколько дней теперь вырабатывается энергии столько, сколько в старой Румынии за год! Сегодня по темпам развития энергетики мы занимаем одно из первых мест в Европе.

Я прошу моего собеседника подробнее рассказать о том, как произошли эти перемены.

— Румынская коммунистическая партия с того самого дня, когда страна, сбросив оковы реакции и фашизма, встала на путь независимого развития, всегда проявляла и проявляет огромное внимание к вопросам энергетики. О ней шла речь еще на Национальной конференции в 1945 году. Через пять лет пленум ЦК партии утвердил десятилетний план электрификации республики. По этому плану вошло в строй свыше тридцати новых электростанций. Началось кольцевание станций, что привело к созданию единой республиканской энергетической системы. Десятилетний план был выполнен почти на год раньше срока.

Мой собеседник не упоминает о роли, которую сыграл его отец, первый премьер-министр республики Петру Гроза, в начальный период создания энергетической базы. Но об этом говорят документы, которые я видела в Музее истории Социалистической Республики Румынии. Один из них датирован 28 октября 1950 года. Это — решение Совета Министров по электрификации страны, подписанное Петру Гроза.

Будучи председателем Президиума Великого Национального Собрания, Петру Гроза немало сделал для укрепления дружбы румынского и советского народов, и, приняв эстафету из рук отца, Октавиан Гроза рассказывает о дружбе, тесном сотрудничестве с братскими странами.

— В конце 1963 года Румыния подключилась к Объединенной энергосистеме европейских социалистических стран — участников Совета Экономической Взаимопомощи. Такая совместная работа со всех точек зрения выгодна. Достигается большая стабильность и надежность энергосистем, значителен и экономический эффект. Потоки энергии в час «пик» или в случае аварии можно перебрасывать из одной страны в другую. Содружество с соседними странами идет и по линии кооперированного строительства. Еще в конце 1963 года была достигнута договоренность между Румынией и Югославией о сооружении на Дунае, в районе Железных ворот, крупнейшей энергетической и навигационной системы. Ваша страна поставила для нее оборудование и оказала техническое содействие. Как известно, в этом году станция заработала на полную мощность. В середине мая состоялось торжественное ее открытие. На этой станции стоят советские турбины, генераторы и румынские агрегаты, построенные при помощи Советского Союза. Советская техника действует отлично и на других наших станциях. Но до Железных ворот были Арджеш и Биказ...

— Скажите, пожалуйста, по каким главным направлениям развивается энергетика в Румынии?

— Наши гидроресурсы в отличие от СССР не так велики. Возможно сооружение еще одной станции, ниже Железных ворот на Дунае, также совместно с Югославией. Шли переговоры о сооружении ГЭС совместно с Болгарией. Но главное у нас направление — тепловая энергетика. А после восьмидесятых годов, по мере накопления опыта работы первой атомной станции, которая будет построена при помощи Советского Союза, активно начнет развиваться атомная энергетика.

Я хотел бы подчеркнуть, что еще двадцать пять лет назад в нашей стране не существовало энергомашиностроения... Приходилось все покупать. Теперь же на наших электростанциях рядом с советскими, чехословацкими, французскими работают свои, отечественные агрегаты. Мы можем строить турбины и генераторы разного типа и разной мощности. В крупные центры электротехнической промышленности превратились наши города Решица и Крайова.

Если до войны в каждой области можно было пересчитать по пальцам села с электрическим светом, то сейчас электрифицировано свыше 82 процентов сельских поселков. Электрическая лампочка не зажглась пока в самых труднодоступных горных районах. Но недалек день, когда свет придет и туда. Мы стоим на пороге сплошной электрификации, а кто лучше советских людей знает, что это такое! В электрической энергии не только жизнь машин, но и расцвет культуры. Большим светом озарена наша земля!

М. Труфанов (Ленинград). ГОРНЯКИ СЕВЕРНОГО УРАЛА.

Художественная выставка «По родной стране».

А. Ткачев, С. Ткачев (Московская область). СВЕТ.

Художественная выставка «По родной стране».

Александр ЧАКОВСКИЙ

Рисунок С. БРОДСКОГО

БЛОКАДА

Во второй половине ноября 1941 года в блокированном Ленинграде начался голод.

Секретарь горкома партии Васнецов приезжает на Кировский завод. Он ставит перед парткомом завода вопрос о сохранении основных кадров рабочих завода. Многие из них, в том числе и коммунисты, настолько обессилены, что не в состоянии приходить на завод.

Первая задача, говорит Васнецов, заключается в том, чтобы пойти на квартиры этих людей, проведать их, попытаться ободрить, вдохнуть силы...

Одним из первых выполнять это поручение идет старый рабочий-кировец, член парткома Иван Максимович Королев...

Было еще только пять часов вечера, когда Иван Максимович Королев вышел из проходной завода.

Однако на улицах было уже темно.

Королев пять дней не выходил из цеха. Последний раз он покинул его всего на час, чтобы проведать больную жену.

Анна Петровна две недели не вставала с постели. В жизни она ни разу не болела — так были уверены в семье — и уж, во всяком случае, слечь в постель не позволяла себе никогда.

Да и сам Королев считал себя человеком здоровым, у врачей не бывал ни разу и единственным действенным лекарством, которым пользовался, если чувствовал недомогание, признавал лишь крепкий чай с малиновым вареньем.

Когда Вера после окончания школы решила поступить в медицинский институт, то отец и мать над ней беззлобно посмеивались, говоря, что дочь выбрала себе профессию, совершенно бесполезную для семьи.

Болезни Королев вообще считал уделом слабых, неверно живущих людей, больше думающих о себе, чем о деле. Он никогда не говорил об этом вслух, но в душе был уверен, что организм человека самой природой запланирован на бесперебойную деятельность в течение определенного ряда лет и вмешиваться в эту деятельность лекарствами или «сбивать» ее с ритма разными санаториями и домами отдыха — значит только вредить самому себе.

Но теперь представления Королева о прочности организма человека, о запасе его жизненных сил изменились.

На его глазах теряли силы люди, которых Королев считал крепкими, как дубы. Воспоминания о голоде, косившем питерцев в далекие годы гражданской войны, уже выветрились из его памяти, и то, что происходило с людьми сейчас, казалось ему противоестественным, не укладывающимся в привычные представления о человеческой жизни.

И хотя сам Королев в последние недели сильно ослабел, он как-то не отдавал себе в этом отчета, приписывая и частые головокружения, и плохой сон, и все прочие недомогания лишь тем перегрузкам, которые с начала войны ему, как и всем тем, кого он знал, приходилось испытывать.

Как это ни странно, но, столкнувшись у себя на заводе в первый раз с рабочими, утверждавшими, что они больше не в силах выстоять смену, Королев почувствовал к ним не жалость, а глухую неприязнь.

Ему казалось, что это люди слабые духом, что у них не хватает характера, понимания, в каком положении оказался Ленинград, не хватает воли, чтобы преодолеть телесные немощи.

В самом начале ноября голод только еще исподволь подбирался к ленинградцам, о случаях смерти от недоедания Королев еще ничего не слышал, а к врачебным диагнозам —«дистрофия», с которыми возвращались из заводской поликлиники рабочие, относился со снисходительной усмешкой, как и ко всем мудреным медицинским терминам.

Но голод наступал с каждым днем все сильнее и ощутимее. И уже очень скоро Королев понял, что предстоит страшная, жестокая схватка с врагом, тем более опасным, что он оставался невидимым, что по нему непосредственно нельзя было бить из орудий, стрелять из пулеметов. И то смутное чувство неприязни к тем своим теряющим силы товарищам по работе, которое совсем еще недавно безотчетно ощущал Королев, не сознавая тогда всей глубины, тяжести новой опасности, нависшей над Ленинградом, сменилось в душе его возрастающей тревогой за их жизнь.

О собственной жизни Королев не думал. Подсознательно он по-прежнему верил в себя, был убежден, что нет такой силы, которая в состоянии его, старого большевика, поставить на колени.

Но тревожная мысль о судьбах других людей, своих товарищей, теперь уже не покидала Королева.

В первый раз он почувствовал холодное, леденящее сердце дыхание голода, когда две недели тому назад, навестив свою жену, застал ее тяжело больной.

До сих пор он был за судьбу ее относительно спокоен. В начале октября Анна Петровна перебралась из их опустевшей двухкомнатной квартиры на четвертый этаж, к соседям по дому. С этой семьей — мастером завода «Электросила» Торбеевым и его женой Ксенией Ильиничной, Королевых связывала давнишняя дружба.

Правда, самого Торбеева в городе давно уже не было — с первых же дней войны он ушел в ополчение. Но жена его оставалась в Ленинграде и сама предложила Анне Петровне перебраться к ней.

Ксения Ильинична была на несколько лет моложе Королевой и с тем, что становилось уже не под силу пожилой женщине — бесконечные стояния в очередях за продуктами, заготовка дров для железной печурки,— справлялась еще относительно легко.

Отозвав Королева на кухню, понизив голос, она сообщила, что Анна Петровна внезапно почувствовала головокружение, упала в обморок, что был врач и сказал, что недоедание обострило сердечно-сосудистое заболевание, которое называется «коронарная недостаточность», прописал лекарства и ушел, дав понять, что в теперешних условиях никакой другой помощи оказать не может, разве что попытается устроить больную в стационар.

Пришедшая в сознание Анна Петровна ехать в больницу отказалась категорически: она все еще по привычке всегда быть на ногах и никогда ни на что не жаловаться была убеждена в несерьезности своего заболевания...

С тех пор Королев регулярно, раз в четыре-пять дней, вырывался с завода, где жил на казарменном положении, благо что дом находился на той же улице Стачек, что и завод, хотя и в дальнем ее конце. Приходя, он каждый раз приносил с собой несколько сухарей — хлеб, нарезанный тоненькими ломтиками, Королев сушил на железной печке, установленной в общежитии.

Жена таяла на глазах. За какие-то три недели она превратилась в маленькую, сухонькую старушку и теперь уже почти не вставала с постели.

Дочь Веру Королев не видел уже давно. Он знал, что она работает и живет в госпитале, на другом конце города, раза два в последнее время приходила навещать мать, но понимал, что большего требовать от нее не может...

...И вот сегодня, положив в карманы ватника несколько сухарей, Королев вышел из проходной завода.

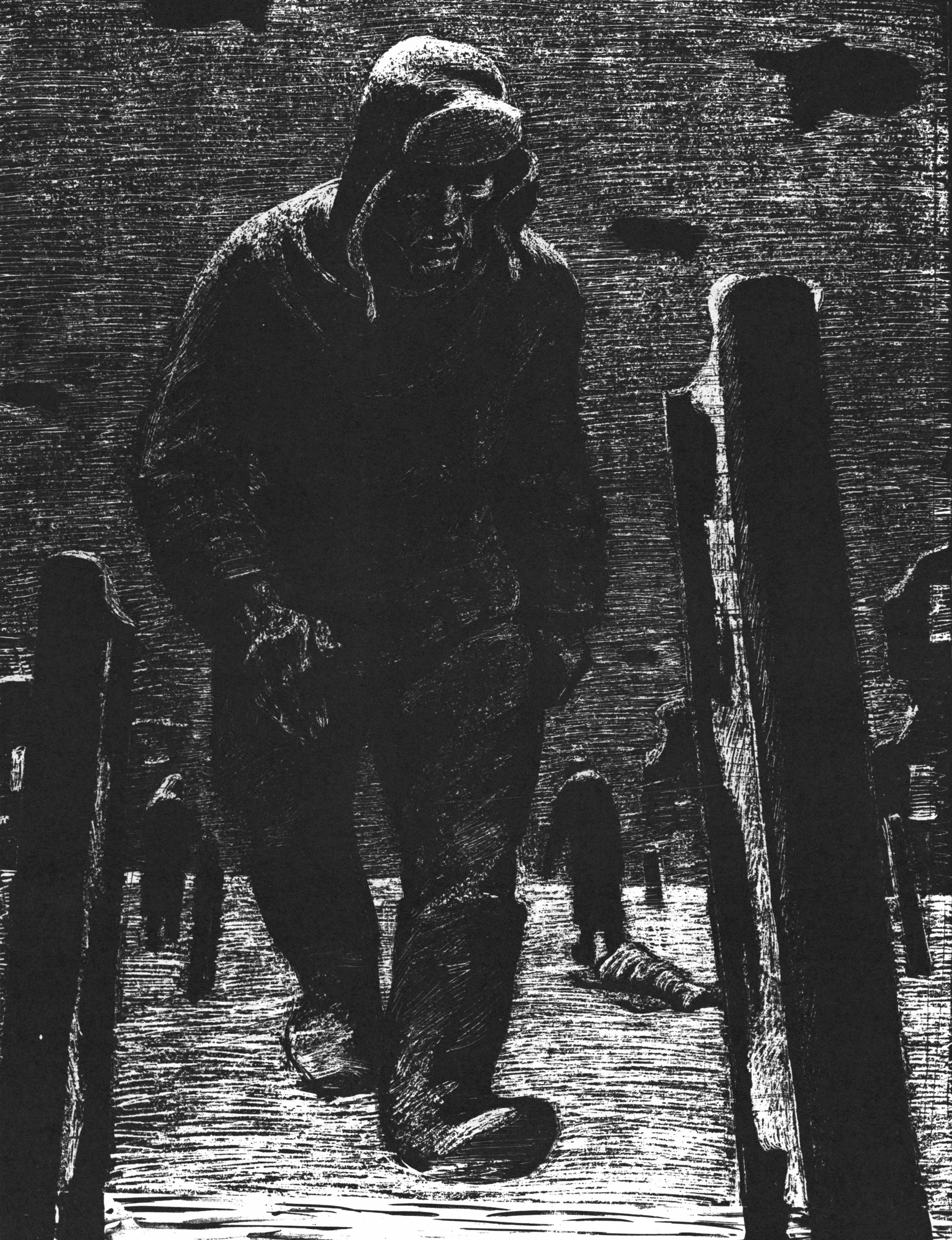
План у него был такой: сначала посетить двух рабочих завода — коммунистов фрезеровщика Губарева и токаря Маркелова, которые уже четыре дня не являются на работу, а потом навестить жену и отдать ей сухари.

В тот день еще девять членов парткома завода получили такие же задания, на долю каждого из них выпало посещение двух-трех квартир, больше обойти было трудно, поскольку городской транспорт не работал, а сил и у членов парткома оставалось не так уже много...

На улице было темно, тем более что ее прикрывала маскировочная сеть, только сугробы снега и на тротуарах и на мостовой белели в опустившейся на город тьме.

На тротуаре в снегу была протоптана тропинка, по ней и пошел Королев.

См. «Огонек» № 1.

Под виадуком располагалась застава — контрольно-пропускной пункт, но документы там проверялись только у людей, идущих на завод, то есть в обратном направлении.

Королев прошел под виадуком и направился дальше по улице Стачек. Квартира Губарева находилась в доме номер 54, примерно в полутора километрах от завода.

Маскировочная сеть у виадука кончалась, и дальше сумрак не казался уже таким густым. Неподвижно стоял полуразбитый и теперь уже на четверть занесенный снегом трамвай, и ветер раскачивал обрывки проводов на столбах.

В сумраке вырисовывались дома. Стены у многих из них были разворочены прямыми попаданиями снарядов, в провалах зияли лестничные клетки, да и снег возле этих домов был не белым, а покрытым черными пятнами. Посреди улицы из-под снега торчали выгнутые, превращенные в надолбы заиндевевшие трамвайные рельсы.

Королев шел медленно, стараясь экономить силы. В самые последние дни Иван Максимович чувствовал, что ему стало трудно ходить.

Спал он уже давно не раздеваясь и обычно даже не снимал валенок. Но когда третьего дня пошел в баню, где горячая вода бежала из кранов тоненькой, нитеобразной струйкой, почувствовал, что с трудом вытягивает ногу из валенка. Королев объяснил это тем, что ноги просто «затекли» от усталости, да и намотано на них было по две пары портянок. Однако освободившись наконец от валенок, Иван Максимович заметил, что ступни ног стали неестественно толстыми, точно разбухшими.

И снова Королев попытался убедить себя, что ноги его опухли, «затекли» просто из-за того, что он уже долго не снимал валенок, не давал ногам «подышать».

Но теперь, медленно шагая по тропинке, протоптанной среди снежных сугробов, Королев, пожалуй, впервые почувствовал, как отяжелели его ноги и при ходьбе появилась одышка, точно он шел не по ровной земле, а взбирался куда-то на высокий этаж.

На мгновение у Королева мелькнула мысль, что, пожалуй, следовало бы прежде всего пойти к себе домой, передать жене сухари, которые незавернутыми лежали в кармане ватника. Но он тут же прогнал эту мысль. В состоянии Анны, подумал он, мало что изменится, получит ли она эти четыре тонких сухарика через полчаса или часом позже. Но подлинная причина того, что Королев решил зайти домой в последнюю очередь, заключалась в другом. Подсознательно Иван Максимович просто боялся, что, оказавшись дома, расслабится и у него не хватит сил выполнить партийное поручение — навестить Губарева и Маркелова.

И хотя Королев даже про себя не произносил таких громких слов, как «долг», «святая обязанность», и тому подобных, неуклонное выполнение того, что он мысленно называл простым словом «дело», давным-давно стало как бы второй натурой Ивана Максимовича.

...Дом, в котором проживал Губарев, Королев отыскал с трудом, поскольку настенные фонари с номерами уже давно не зажигались.

Войдя в занесенный снегом двор, Королев постарался определить, какой из темных подъездов будет четвертым,— именно под этим номером он значился в его списке.

Дом был большим, и подъездов было тоже несколько, но на узких металлических дощечках над дверьми, на которых обычно значились номера квартир, налип снег.

Поэтому он наугад открыл дверь в ближайший подъезд в надежде, что встретит кого-нибудь на лестнице и спросит, где здесь восемнадцатая квартира.

Но в подъезде было еще темнее, чем во дворе. Королев поднялся по лестнице, остановился на первой же площадке, нащупал в кармане плоский электрический фонарик еще довоенного производства, который предусмотрительно захватил с собой, вытащил его и нажал пальцем на боковой рычажок.

Узкий снопик осветил пустую лестницу с покрытыми инеем каменными ступенями. Слева и справа были расположены двери. Королеву повезло: он сразу же попал в нужный подъезд. На прибитой к левой двери квадратной жестяной табличке значился номер «14». Следовательно, восемнадцатая квартира, где жил Губарев, располагалась где-то выше.

Королев, не гася фонарика, стал медленно подниматься по лестнице...

...Дверь в восемнадцатую квартиру оказалась незапертой. Убедившись в этом, Королев все же постучал на всякий случай.

Но ни голоса, ни движения шагов он не услышал.

Открыв дверь, Королев перешагнул порог и провел лучом фонарика по стенам.

В захламленной, дышащей холодом передней было пусто. Две расположенные одна против другой двери вели, очевидно, в комнаты.

Королев подошел к левой двери и тихо в нее постучал, предварительно погасив фонарик.

Но на стук его никто не откликнулся. Королев потянул за ручку — дверь была заперта на ключ.

Он повернулся с намерением подойти к противоположной двери и вдруг в темноте увидел, что из-под нее пробивается бледная, едва различимая полоска света.

Королев быстро подошел к двери и на этот раз уже без стука нажал на нее рукой. Дверь с мягким скрипом отворилась.

Первое, что увидел Королев, был квадратный обеденный стол, заваленный грязной посудой. На столе стояла металлическая консервная банка, превращенная в лампу-коптилку, маленький фитиль, чуть возвышающийся над ее поверхностью, горел неровным, чадящим пламенем.

Кровать и лежащего на ней человека Королев увидел уже в следующий момент.

Он сделал два шага вперед и только тогда, приглядевшись, увидел, что человеком этим был Губарев.

Губарев лежал на спине с закрытыми глазами.

На мгновение Королев с тревогой подумал: «А жив ли он?» Но, приглядевшись, заметил, что наглухо застегнутая стеганка, в которую был одет Губарев, едва заметно то поднимается, то опускается на груди — следовательно, он дышал.

Королев знал этого человека по меньшей мере лет двадцать. Губарев был еще не стар, во всяком случае, лет на десять моложе самого Королева. Когда он впервые встретился с ним на заседании большевистской фракции завкома, ставшего фактическим хозяином Путиловского завода сразу же после революции и еще до официальной национализации завода, Губареву было не больше двадцати пяти лет.

В последующие годы Губарев, один из опытнейших фрезеровщиков завода, не раз избирался в члены бюро цеховой партийной организации, и Королев встречался с ним часто.

Как и все старые кадровые рабочие Путиловского, входившие в партийный или профсоюзный заводской актив, Губарев был одним из застрельщиков всех общественных кампаний, которые, как правило, возглавлял именно Кировский завод.

Но сейчас Королев вспоминал не об этом. Другое бросилось ему в глаза. Питерские кадровые рабочие всегда отличались тщательностью в одежде. Даже до революции. В праздничные дни на городских улицах их нельзя было отличить по внешности от интеллигентов по профессии или от состоятельных служащих. И традиция эта, восстановленная после нескольких лет гражданской войны и разрухи, всегда отличала и кировцев.

О том, как выглядит сейчас он сам, Королев в эти минуты даже не подумал. Но на него произвело гнетущее впечатление заросшее серо-белой щетиной лицо Губарева, которого он раньше в шутку называл «рабочим-аристократом», потому что тот даже в цехе всегда носил галстук и белую сорочку, сверкающую своей белизной из-под синей куртки-спецовки.

И вот теперь Губарев лежал на смятой, видимо, давно не убиравшейся постели, в ватнике, валенках и надвинутой на лоб шапке-ушанке, небритый, с заострившимся носом и ввалившимися щеками.

— Маркелыч!— тихо окликнул его Королев.

Губарев не шевельнулся.

Тогда Королев подошел вплотную к кровати и, осторожно положив руку на плечо Губарева, снова сказал:

— Слышь, Маркелыч!

Губарев открыл глаза. Однако ни удивления, ни радости не отразилось в них. Несколько мгновений он пустым, остановившимся взором глядел на Королева и наконец сказал:

— Ты, что ли, Иван Максимович?

— А кто ж, дух святой вместо меня, что ли?— грубовато ответил Королев.

— Здорово, Максимыч!— медленно шевеля губами, тихо произнес Губарев.— А я вот... помираю.

— Помрешь — хоронить будем,— не меняя тона, сказал Королев,— а пока что живой, и в гроб не торопись, сейчас все лесоматериалы на строгом учете.

Он кивнул в сторону стоящей в углу железной печки и добавил:

— Видишь, топить-то, наверное, нечем, а ты расход досок собрался увеличивать. Не по-хозяйски рассуждаешь.

Губарев едва заметно усмехнулся.

— Ты вот что мне скажи, дорогой друг-товарищ,— продолжал Королев, присаживаясь возле Губарева на край кровати,— почему на завод пятый день не являешься? В прогульщики подался?

Он говорил настойчиво, требовательно, точно не замечая ни состояния, в котором находился Губарев, ни обстановки в этой холодной, с промерзшими стенами, освещаемой лишь вздрагивающим язычком пламени комнате.

— Ты что, сказился, Максимыч?— на этот раз уже несколько громче произнес Губарев.— Сам, что ли, не видишь?

— А чего я вижу? Чего? Лежит на грязной постели знатный кировский фрезеровщик Губарев, Василий Маркелович, и почивает!

Королеву стоило огромных усилий, чтобы выдержать тот тон разговора, который он взял с самого начала. Он понимал, в каком состоянии находится Губарев, но подсознательно чувствовал, что иным тоном с ним в эти минуты разговаривать нельзя.

— Оголодал я, Максимыч,— видя, что Королев молчит, сказал Губарев.

— А мы-то ананасы с рябчиками жрем, что ли? Такую же, как и ты, карточку получаем,— сердито произнес Королев.

— Потерял я карточку свою или в очереди украли,— безнадежно сказал Губарев.

— Почему не заявил?

— Смеешься, что ли? Кто теперь в Ленинграде карточки восстанавливает?— горько усмехнулся Губарев.

— А на завод почему не ходишь? Не подкормили бы тебя, что ли?

— Сил нет, Максимыч! Не дошел до завода, упал, потом еле домой добрался. Соседи вот уехали, к родственникам куда-то перебрались, на Петроградскую, пять сухарей оставили да кусок клея столярного. Ими эти четыре дня и жил... А теперь все. Конец. Не пришел бы ты, наверное, и глаз бы уже не открыл.

— Ну и хрен с тобой, помирай, коли такой квелый!— буркнул Королев и, встав с кровати, сделал несколько шагов по комнате, ощущая, как трудно ему передвигать отяжелевшие ноги.

— На заводе-то как, Максимыч, а?— тихо спросил Губарев.

— Что на заводе? Тебе-то что? Ты ведь на тот свет переезжать собрался!— не оборачиваясь, сказал Королев.— Там во фрезеровщиках сильная нехватка ощущается, спеши давай!

— Я тебя спрашиваю: на заводе как?— точно не слыша его ответа, настойчиво повторил Губарев.

— Танки ремонтируем. Пушечки опять же,— сказал Королев, на этот раз поворачиваясь к лежащему Губареву,— про такую машинку — пушченку 76-миллиметровую — слышал?

— Издеваешься, да?— на этот раз уже со злостью в голосе произнес Губарев.

— Зачем издеваться? Ты спрашиваешь — я отвечаю. Подробнее хочешь — скажу. С салазками опять дело не ладится. Глубокое сверление подводит.

— Портачат!..— как бы про себя произнес Губарев.

— Ну, я бы так не сказал. Расточить четыре

отверстия по 1 200 миллиметров глубиной да с точностью до микрона, товарищ Губарев, конечно, умел. Да ведь нет его, товарища Губарева, он где-то у райских врат стоит, своей очереди на вход дожидается...

Губарев молчал.

Но Королев знал, что уже нащупал чувствительную струнку в душе этого обессиленного человека. Он знал, что она, эта струнка, останется чувствительной для Губарева до тех пор, пока он дышит. Салазки — противооткатные устройства для полковых пушек — всегда были наиболее слабым, уязвимым местом в их производстве. Пушкари считали салазки наиболее капризной деталью, а наиболее трудной операцией, требующей филигранного мастерства, — сверление и расточку четырех отверстий по 120 сантиметров глубиной...

И Губарев в этом деле считался непревзойденным мастером и инструктором.

— Промашку мы дали, Иван Максимович,— медленно произнес Губарев.

— Какую еще промашку?— недовольно спросил Королев, чувствуя, что у него начинает кружиться голова. Такие приступы внезапного головокружения он ощущал в последние дни уже не раз.

— Ну, что перед войной недооценили эти пушки. Кадры подрастеряли...

Королев хорошо понимал, что имеет в виду Губарев.

Да, незадолго до войны по настоянию ведающего в Красной Армии вопросами артиллерии Кулика на заводах, в том числе и на Кировском, прекратили выпуск некоторых артиллерийских систем как якобы несовременных, в том числе и 76-миллиметровых пушек. А когда в начале июля ГКО принял решение вновь развернуть производство этих полковых и дивизионных пушек, время было уже потеряно.

И хотя из заводского архива были срочно извлечены чертежи и прочая техническая документация, конструкторы приступили к просмотру ее, стали вносить необходимые изменения и усовершенствования, а ветеран артиллерийского дела на заводе Леонид Андреевич Монаков приступил к организации, точнее — восстановлению, пушечного производства на Кировском, драгоценное время ушло.

Теперь организовать в кратчайшие сроки серийное производство полковых пушек можно было лишь на основе тесной кооперации почти с сотней различных предприятий Ленинграда. И хотя среди неотложных дел, которые с первых же дней войны легли на плечи горкома партии, это дело было одним из сложнейших, с ним справились.

Но теперь встала новая острая проблема — вопрос кадров. Она была тем более трудноразрешимой, что уже в первый месяц войны девять тысяч квалифицированных рабочих завода ушли на фронт или были эвакуированы в тыл...

— Ошибки подсчитывать после войны будем,— пробурчал Королев.

— Я-то уж не буду,— безнадежно вымолвил Губарев.

Королев просунул в глубь навьюченных на него одежд руку, вытащил старинные карманные часы, взглянул на них и сухо сказал:

— Ладно, приступим к делу. Я к тебе по поручению парткома явился. У тебя партбилет при себе?

— Чего?— голосом, в котором послышались удивленно-тревожные нотки, переспросил Губарев.

— Партбилет, говорю, где хранишь?— повторил громче Королев.

— При себе, где ж еще?— быстро проговорил Губарев и каким-то поспешным, скорее инстинктивным, чем сознательным движением положил ладонь на грудь.

— Может, мне сдашь?— снова подходя к кровати, сказал Королев.

— Это еще чего?— угрожающе, голосом, в котором внезапно появилась сила, проговорил Губарев.

— Ну «чего-чего»! Ты же концы отдавать собрался, квартира пустая...

— Живой я еще, живой!—неожиданно громко воскликнул Губарев.— Пока жив, никто права не имеет!..

И он повернулся спиной к Королеву, держа теперь на груди уже обе руки.

— Да ты чего взбеленился-то, Маркелыч?— со спокойной усмешкой проговорил Королев.— Что я, насильно, что ли, отбирать хочу? Нет у меня таких прав. А вот удостовериться, что билет при тебе и насчет взносов,— это мое право, как члена парткома. Ну давай, покажи!

Губарев медленно перевернулся на спину и недоверчиво взглянул на Королева.

— Ты... ты чего задумал, Максимыч?— почти шепотом проговорил он.

— Ничего я не задумал. Проверю взносы и отдам,— твердо ответил Королев.

— Ну...— произнес Губарев и повторил:— Ну...

Затем он стал медленно расстегивать на груди ватник, просунул под него руку и наконец вытащил книжечку в плотной картонной обложке. Но как только Королев взял партбилет, Губарев неожиданно привстал с постели, спустил на пол ноги и приподнял руки, точно готовясь в любой момент выхватить партбилет обратно.

Делая вид, что ничего не замечает, Королев подошел к столу, раскрыл партбилет и при свете коптилки медленно прочел вслух:

— «Губарев Василий Маркелович... год рождения тысяча восемьсот девяносто пятый. Время вступления в партию — год тысяча девятьсот шестнадцатый...». Все верно.

Он перелистал странички партбилета, потом закрыл его и сказал:

— И со взносами более или менее в норме — по сентябрь включительно... Пора за октябрь — ноябрь платить.

Он умолк, не выпуская партбилет из рук.

— Давай сюда! — резко сказал Губарев, встал с постели, пошатнулся, но устоял на ногах.

— Слушай, Маркелыч, а ты не помнишь, как старые партбилеты выглядели? — неожиданно спросил Королев, глядя на стоящего Губарева.— Понимаешь: вдруг мысль пришла в голову! Хочу вспомнить — и не могу. Память стариковская. Ты помоложе, может, помнишь?

— Какие старые? — все еще не понимая, куда клонит Королев, и не спуская с него настороженного взгляда, переспросил Губарев.

— Ну «какие, какие»! В семнадцатом членам партии новые выдавали, в том числе и нам с тобой. А вот какие раньше были, ну после Февральской?

— Раньше? — задумчиво переспросил Губарев.— Ну... красные такие. Четвертушка картона.

— А куда же марки клеили? Потом-то партбилеты с марками ввели!

— Да ты и впрямь постарел, Королев,— недовольно произнес Губарев.— На обороте клеточки такие были. Там районный казначей и отмечал. А марки уже потом ввели, после первого обмена.

— Верно! — усмехнулся Королев.— Хорошая у тебя, выходит, память, Василий Маркелович. Все, значит, помнишь. И как в партию вступал, и как Юденича бил, и как с продотрядами в Поволжье ездил, и как завод после разрухи восстанавливал — все, наверное, помнишь, а?

— Ну, помню...— угрюмо, глядя в пол, произнес Губарев.

— Значит, все помнишь... Но вот одно забыл. Забыл, что коммунисты во время войны не умирают в постелях. В бою, у станка, по дороге на пост — если застанет смерть — да! Но лежать и ждать смерти?!.

Губарев молчал.

— Держи,— сказал Королев, подходя к нему вплотную и протягивая партбилет.

Губарев его взял.

И тогда Королев положил на плечо Губарева руку и тихо сказал:

— Вася! Друг мой Вася! Зовет тебя партия! На завод зовет! С партбилетом — если уж умирать,— то на посту положено, так ведь нас учили? И мы молодых так учим! А у тебя что не получается? В постели? Не положено коммунисту в постели умирать, когда война идет!

Губарев медленно запрятал партбилет под ватник.

— Не дойду я, Ваня,— с сомнением в голосе произнес он.

— Дойдешь! — убежденно произнес Королев.— И... слушай,— неожиданно для самого себя произнес он,— я тебе сейчас сухой паек выдам. Вот держи!

И он, быстро сунув руку в карман, вытащил один из сухарей, предназначенных жене.

— Ты... ты...— делая шаг назад, пробормотал Губарев,— это... как? От себя отрываешь?

— В благотворители не записывался,— нарочито грубо ответил Королев,— да и капиталами не располагаю. Это... это тебе партком посылает. Ну бери!

Губарев схватил сухарь и впился в него зубами. Откусил кусок, проглотил, почти не разжевывая, и вдруг, опустив руку с зажатым сухарем, виновато, смущенно посмотрел на Королева.

— Прости, Ваня. Как зверь, на еду кидаюсь. Отощал.

— Жуй, не стесняйся. А я пойду. Мне еще жену проведать надо.

Он снова положил руку на плечо Губареву и, заглядывая ему в глаза, спросил:

— Завтра придешь?

— Сегодня пойду...— тихо ответил Губарев.— Сухарь доем и пойду.

— По тропке до виадука иди — снегу намело много. А там уж считай, что дома,— сказал Королев.— И иллюминацию свою, когда уйдешь, не забудь погасить,— он кивнул на коптилку,— а то пожар наделаешь.

Королев слегка притянул Губарева к себе, потом снял руку с плеча и сказал:

— Там на твой станок парнишку одного поставили. Парень смышленый, но опыта нет, третий разряд. Чем скорее придешь, тем меньше браку наделает...

Королев повернулся и пошел к двери.

Выйдя на темную лестничную площадку, он почувствовал, что у него снова закружилась голова и к горлу подкатил тошнотворный комок.

«Иди, Максимыч, иди!» — произнес он и сделал шаг вперед, к лестнице, освещая себе путь фонарем.

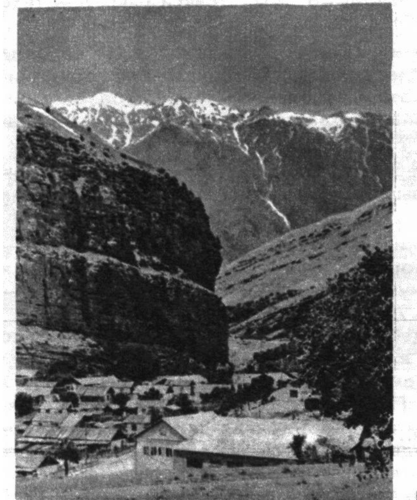
КЛАД ХАНДИЗЫ

Даже в самом Узбекистане имя глухого урочища в Гиссарских горах долгое время было известно, пожалуй, только охотникам да альпинистам. Теперь же здесь вырос целый поселок разведчиков недр. Хандиза сегодня — это медь, цинк, свинец, богатое месторождение которых детально исследуется.

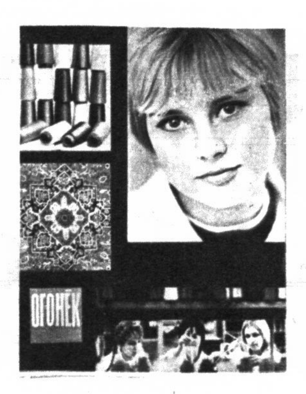
Как ни прятала природа свои сокровища под скалистыми «крышками», увенчанными серебристой насечкой вечных снегов, дошел черед и до них. Порывистый ветер от вертолетных лопастей пригибает к склонам гор девственную траву, морем блесен кажутся при этом лихорадочно трепещущие кроны дикой алычи. Так появляются в расщелинах новые хозяева Хандизы и, отработав смену, улетают в поселок. По воздуху доставляются на разведывательные участки и буровые установки специальное оборудование, продукты, газеты, журналы.

Изыскатели прошли в глубине гор десятки километров штолен, множество скважин пронзило толщу недр в ключевых отметках. Близко время, когда гигантская кладовая цветных металлов будет передана добытчикам.

Вяч. КОСТЫРЯ,
собкор. «Огонька»
Фото В. Лейзеровича.

Поселок геологов — Хандиза.

КОНКУРИРУЯ С ПРИРОДОЙ

Беседа корреспондента «Огонька» Лимария Семенова с директором Всесоюзного научно-исследовательского института искусственного волокна Иваном Гавриловичем Шимко, которую комментировали сотрудники института.

— Иван Гаврилович, может, мы начнем нашу беседу с экскурса в историю?

— ...И в природу, — добавил И. Г. Шимко. — Гусеницы шелкопряда миллионы лет тянут и тянут совершеннейшую нить. И скорость-то у них великая — до одного метра в минуту! Но в прошлом веке человек лишил здесь природу ее монополии. В наши дни люди научились получать искусственное волокно, которое по качеству равноценно тому, что дает природа.

...Наш разговор мы продолжили в цехах опытного завода. Институт и завод — единое целое. Их корпуса стоят на месте бывшей фабрики.

— В 1908 году эту маленькую, захудалую фабрику основали англо-бельгийские капиталисты. В первые годы Советской власти она называлась «Вискоза». В 1931 году на базе предприятия был создан научный институт, который в 1947 году стал всесоюзным. Но лучше всего о первых его шагах расскажет ветеран производства искусственных волокон Георгий Никанорович Карпов.

— К нам в свое время приезжал Михаил Иванович Калинин, — вступил в разговор Г. Н. Карпов. — Было это в 1923 году. Сказал он о нашей фабрике слова, хорошо запомнившиеся всем нам: росток будущей советской химической индустрии! Так оно и случилось. Отсюда, из Мытищ, вышло много специалистов, которые потом возглавили новые химические заводы. А знакомство с отечественными изделиями из искусственного шелка начиналось с продукции нашей фабрики. Вспоминаю, как мне в тридцать первом году за хорошие показатели вручили на работе премию — вискозные кашне и галстук. Это был великолепный подарок — вещи по тем временам редчайшие!

И еще об одной странице истории рассказал старый рабочий — о красном знамени, которое хранится сейчас в Политехническом музее.

— В 1934 году страна готовилась к XVII съезду ВКП(б). На фабрике решили изготовить в подарок съезду красное знамя из ацетатного шелка. Первые бобины и мотки рабочие разглядывали с гордостью. Но радость была омрачена: оказалось, что пряжу невозможно покрасить. Красителей ацетатного шелка в Советском Союзе не было, не делали их. И все же выход нашли. В лаборатории крашения впервые в мире применили так называемый «ледяной метод»: непосредственно на пряже срабатывал нерастворимый аэрокраситель. Знамя, как тогда говорили химики, «сочно красного цвета» было вручено делегатам XVII съезда партии.

В огне не горит...

...И снова мой собеседник И. Г. Шимко.

— Деятельность института и опытного завода можно понимать как вызов природе? — спросил я.

— Не совсем так. Мы стараемся согласовывать с ней свои действия. А вообще-то возможности человека шире. Природные волокна хороши для одежды, но они не годятся, например, для технических целей. Огнестойкость, прочность, устойчивость к воздействию микроорганизмов и агрессивных веществ — природа не всегда способна наделить волокна такими качествами.

— А химия?

— Побывайте в секторе гидратцеллюлозных волокон. Там вы получите ответ...

В руках у Эдуарда Лещинера два синих лоскутка. Как фокусник во время сеанса, мне, единственному «зрителю», он дает их пощупать. Лоскутки одинаковые. Но вот свершается чудо: поднесена спичка — и один лоскуток сгорает, а другой нет...

— Год назад, — говорит Э. Лещинер, — мы начали создавать модифицированные волокна с особыми свойствами. Какими? Одна ткань не боится огня, а другая — убивает бактерии. Первые наши эксперименты вызвали большой интерес пожарных. Благодарят нас. Но массовое производство таких тканей — дело будущего. Пока же идут опыты.

— А теперь поговорим о хлопке, — продолжает прерванную беседу И. Г. Шимко.— Вот два пучка волокон. Даже лабораторным методом трудно определить, какой из них натуральный. Известно, сколько труда требует хлопок. Скорость роста природных волокон — это несколько миллиметров в сутки. Хлопок прихотлив, и растет далеко не везде. А главное — время! Целый сезон требуется для выращивания хлопчатника. А для производства искусственного волокна — всего 30—40 часов. И еще одно важное обстоятельство: ткань из искусственного волокна вдвое прочнее, чем из хлопка. Вот как мы конкурируем с природой.

— Известно, что ваш институт оказал большую услугу автомобильному транспорту. Нельзя ли и об этом рассказать?

— Вы, вероятно, имеете в виду корд? У нас есть сектор, который так и называется — кордный.

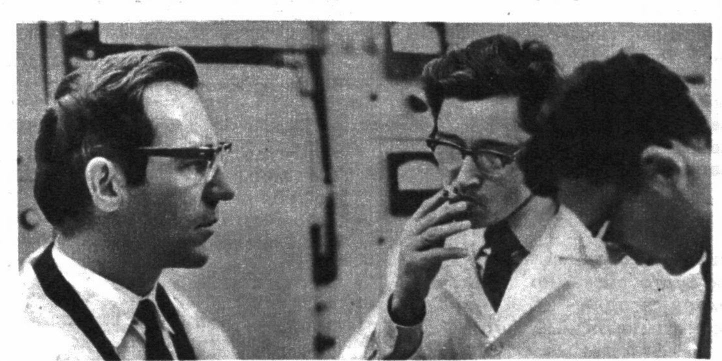
«Обувь» автомобиля

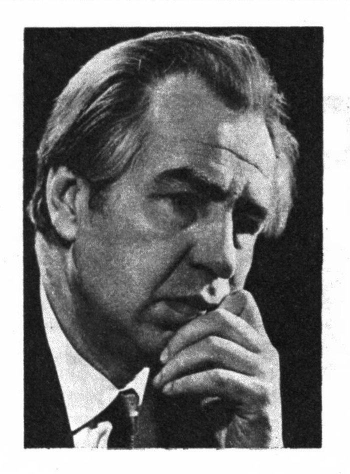
Начальник кордного сектора Н. А. Дорофеев рассказывает:

— Существует такое понятие, как разрывной километр. В чем тут суть? Давайте мысленно представим нить из сверхпрочных химических волокон, заменившую хлопковый корд и поднятую последовательно на двадцать, тридцать, наконец, на высоту в сорок пять километров! Вот только тогда она и оборвется под собственной тяжестью. Из таких сверхпрочных, жестко сплетенных химических нитей и состоит наш корд. Прочность, долговечность изготовленной на его основе автопокрышки повышается в десятки раз. Как говорят шоферы, «на таком корде далеко уедешь». Отечественные легковые и грузовые автомашины ходят на шинах с кордным каркасом, разработанным в Мытищах. Сельскохозяйственные машины, в частности комбайны «Колос» и трактор «Беларусь», «обуты» химиками. У нас появилась интересная новинка — корд термостабилизированный. В термическом шкафу в течение двух часов образец такого корда выдерживает двухсотградусную жару.

Вот как мытищинские химики конкурируют с природой!

Только что окончен эксперимент... Заведующий лабораторией В. Я. Ефремов (слева), инженер В. Я. Стукалов и старший научный сотрудник А. П. Лисицин обсуждают его результаты.

Вас. ФЕДОРОВ

Я КОВАЛ ДЛЯ

* * *

Весной,
Рабу пера,
Мне нравится пора,
Когда у всех селений
Игра костров весенних.

Все чувства
Вновь остры
И ярки до свеченья,
Когда горят костры
Любви и очищенья.

Что было, сожжено.
И жизнь — как лес весною,
Где все обнажено,
Все зримо,
Все сквозное...

* * *

Лицо тоскою выбелю,
Приду к тебе
тебя
Любить, как перед гибелью,
До слез,
До забытья,
До бреда,
До сожжения
В судьбе,
А не в игре,
До чуда воскрешения
На утренней заре...

* * *

Цветы и травы
Пахнут так,
Нельзя не захмелеть.
С горы вся даль распахнута,
Что хочется лететь.

Лететь, лететь
И песни петь...
О чем?
Да ни о чем.
Лететь, лететь
И сердце греть,
Чтоб пелось горячо.

От счастья
Сердце выроню,
Зачем теперь оно,
Чтоб стало мне,
Как было мне
Давно,
Давно,
Давно...

* * *

Души безысходней,
Как будто весь мир сиротлив,
У моря сегодня
Какой-то печальный мотив.
Как будто тоскует
О верной,
О вечной любви,
Как будто толкует
О всех, кто остался в глуби.

О Черное море,
Зачем же о берег так бьешь?
О Черное море,
Тоскуя, не жертвы ли ждешь?

О Черное море,
Готов я к любому броску...
Неужто собою
Твою утолить мне тоску?

Прости меня, море,
Что медлю,
Что в мире тревог
Насытиться жизнью
Я, Черное море, не смог.

Печалью певучей
Над теми, кого не спасти,
О Черное море,
Не мучай,
Не мучай...
К любви отпусти!

* * *

В этом
Нет моей вины,
И отчаиваться нечего.
У поэта нет жены,
У поэта только Женщина,
Только Женщина — да, да! —
Пусть простит мне жизнь
убогая,
Только-только та одна,
Недоступная,
Далекая.

Только та,
Что темноту
Отгоняла светом вымысла,
Только та, что красоту
Из моих мечтаний вынесла.
Мой порыв ее вознес
Выше нашей повседневности,
Выше горя,
Выше слез,
Выше страха,
Выше ревности.

В ней
Все чудо,
Все мое.
Но тебя люблю ведь тоже я,
Потому что на нее
Ты немножечко похожая.

* * *

Обидят.
Оболгут.
Не мщу.
Боюсь во зле
Сойтись со спесью.
Я не спокойствия ищу,
Ищу любви,
Как равновесия.

Зло — бред,
И злые, как в бреду,
Приносят людям
Лишь страдания.
Да бережет меня сознание:
Превысит зло —
И упаду!

* * *

Не за слезы ли,
Что лила,
Меня женщина
Прокляла...

Телефон звонил оголтело,
Будто колокол с каланчи.
— Проклинаю вас!— долетело.
И все смолкло в глухой ночи.

Засмеялся.
Заснуть бы снова,
Дикий выкрик,
Как сон, заспать,
Только стало ночное слово
Странной тяжестью обрастать.

Есть слова,
Они роковые,
Когда люди их говорят,
В них на сроки все вековые
Отлагается жизни яд.
Смысл их древний бывает
жуток,
Злая магия входит в дых,
С ними, темными, не до шуток.
Кто ж мне бросил
Одно из них?

Мне казалось,
Мои объятья
Ни одну не сделали злей.
Но я проклят, и то проклятье
С каждым годом все тяжелей.
Все сильнее догадки мают,
Все труднее избыть мне их:
Посторонних не проклинают,
Отверженьем не бьют чужих.

Не за слезы ли,
Что лила,
Меня женщина
Прокляла?

АРХИВ

Строчки страсти,
Письма, вести,
Словно угольный урон,
Как шахтер,
С породой вместе
Отправлял на террикон.

И теперь
Давно избытых,
Отошедших в недогляд,
Терриконы чувств забытых
Адским пламенем горят.

Было б нужно,
Было б важно
Все прибрать
И снова жить,
Только стало
Что-то страшно
Жизнь былую ворошить.

* * *

Придорожная ромашка
В комьях бросовой земли,
С добрым сердцем
нараспашку
Ты всегда стоишь в пыли.

Лепестки твои большие,
Ты б гадала, не фальшивя:
«Любит, нет ли?»
Цвет отдав,
Лишь спроси,
Сказала б «да».

Но в заботе бестолковой
Каждый мчится, пятки жжет,
К дальней,
Мелколепестковой,
К той,
Которая солжет.

* * *

Как душою ни бьюсь,
Не кричу
От ударов изменческих,
Ничего не боюсь —
Глаз боюсь человеческих.

Есть,
Не спорю — идешь
И, как часто бывает с поэтами,
Взгляды нежные рвешь
И уносишь букетами.

Есть такие,
Что жуть,
Даже нет никакой
В них подробности.
Не успеешь взглянуть,
Как увидишь две пропасти.

* * *

Ну вот
Опять я начудил,
Разлил себя,
Как пиво, пенясь.
Кто старость
В детстве ощутил,
Тот и до старости
Младенец.

Не торжествуй
И не стыди,
Иначе стану
Безрассудней.

Из сборника стихов «Книга любви». Выйдет в издательстве «Молодая гвардия» в 1973 году.

СВОЕ СЕРДЦЕ ВЕЧНОЙ ЛЮБВИ

Пусть виноват,
Но не суди,
И без тебя
Так много судей.

И без тебя
В конце концов
Найдется тот,
Кто глянет строго.
Мне ль — в мудрецы,
Ведь мудрецов
На всей земле
Не так уж много.

Мне жить,
Как пало на роду:
Расплескиваясь
И волнуясь,
С годами
В детство не впаду,
А если и впаду,
То в юность!

* * *

Не в памяти,
В сердце осталось,
А в нем —
Только с ним и умрет,
Как в юности ранней мечталось
О милой — какая придет?

Косил
И мечтал на покосе:
По травам,
По синим цветам
Придет, мое сердце попоосит,
И я свое сердце отдам.

Косили мы луг,
Откосили,
Копешки сметали в стога.
Никто не пришел на луга —
И сердце мое
Не спросили.

* * *

Мне житейская мудрость
Известна давно:
Грусть и боль —
Это сестры незнанья.
Когда сердце
Всему вопреки влюблено,
А в ответ
И надежды любви не дано,
Вместо радости —
Только страданье.

Голос разума
Сердцу умолкнуть велел.
Не сержусь,
Что с тобою разняли,
Благодарен за то,
Что ты есть на Земле,
Знал я то,
Что другие не знали.

Сердце было
Случайной улыбкой пьяно.
Счастья жду
Терпеливо опять я.
Когда ты на Земле,
То возможно оно.
Ясным утром не веришь,
Что было темно,
Что у ночи
Мы были в объятьях.

Разум сердцу внушал:
Эту ночь не пройти,
Она Землю
Кругом охватила,
Благодарен за то,
Что на трудном пути
Ты не долго,
Но ярко светила.

* * *

Весь отдаваясь помыслу,
Надежде на тебя,
По радуге, как по мосту,
Поднялся к солнцу я.

За красоту,
За радости,
За то, что счастье знал,
В порыве благодарности
Я солнце целовал.

* * *

Так мне велит
Души моей настрой:
Пусть буду
Испытаньям я подвержен,

Пусть жизнь со мною
Поступает тверже,
Но только не обходит
Красотой.

* * *

Как цветы на заре,
Так и люди в любви хорошеют.
Неразгаданный взгляд
Мое вольное сердце потряс.
Руки пьяно, как хмель,
Оплели мою гордую шею,
И глаза почему-то
Нельзя оторвать мне
От глаз.

Все гляжу, и гляжу,
И никак не могу наглядеться.
Так в причудливом мире
Робеет душа новичка.
Вижу робость и зов,
Вижу юность и детство,
Опрокинутый мир,
Отраженный
В огромных зрачках.

Все гляжу и гляжу,
Оторваться не в силах
От веселых-веселых,
Бесовских во плясе кудрей,
От бесстыдно зовущих,
От страстно и сладостно
милых:
Милых губ,
Милых глаз
И летящих бровей.

Ну, люби!..
Ну, люби!..
От любви
Никуда нам не деться.
Ну, люби же, люби!..
Я давно этой радости ждал.
Мы одни. Никого.
Убежало стыдливое детство.
Страх метался в заре
И за краем земли пропадал.

* * *

Мы с нею
Повстречались вновь.
И легкомысленная женщина
Забыла, что ее любовь
Была мне
В юности обещана.

Лишь разговор —
И вновь прощанье.
Глаза лукавые цветут
Все тем же
Милым обещаньем,
Которого три года ждут.

* * *

Меня хулят,
Меня корят
За то, что все еще влюбляюсь.
«Преклонный возраст»,—
говорят.
Да, это правда.
Преклоняюсь!..

* * *

За позднюю вину,
За то, что грудь остыла,
Того не прокляну,
Что прежде
Счастьем было.

Пусть рана
Жжет в глуби,
Но все ж за эту рану
Я прошлое любви
Обкрадывать не стану.

Припомню те черты,
И сердце тронет жалость.
Кто виноват, что ты
Той прежней
Не осталась!

* * *

Не затем я
Горячее сердце ковал,
Не затем я покоя
Ему не давал,
Не затем я поил его
Горькой отравой,
Чтобы стало оно
Для кого-то забавой,
Чтобы стало игрушкой
Холодным рукам,
Чтобы стало насмешкою
Хитрым губам...

Я надеждой,
Как молотом,
По сердцу бил,
Я ковал свое сердце
Для вечной любви,
Чтобы билось не пульсом,
А праздничным звоном,
Чтобы знали, что значит
Быть сердцу влюбленным,
Чтоб Звездана,
Тоскуя в краях неземных,
Услыхала б набаты
Моих позывных...

Вот зачем
Я ковал свое сердце!

Рисунок П. Караченцова.

РЕПОРТАЖ

У ВУЛКАНА АЛАИД

Вадим **ЛЕЙБОВСКИЙ**
Фото В. ГИППЕНРЕЙТЕРА.

Извержение продолжается, люди на вулкане работают. Только что мы отправили на Алаид новую исследовательскую партию. Долго там быть нельзя. Почему? Поймете сами, если вам удастся туда попасть, — сказал мне заместитель директора камчатского Института вулканологии Дальневосточного научного центра Владимир Иванович Белоусов.— Как это сделать? Сначала доберитесь до Курил, если, конечно, повезет с погодой. Дальше как? Вот и мы эту проблему нередко решаем мучительно.

С погодой поначалу действительно повезло. Не прошло и дня ожидания в Петропавловском аэропорту, как маленький ЛИ-2 взял курс на острова.

...Из рубки показывается голова пилота.

— Смотри, корреспондент, вот он, твой Алаид.

Окутанный сизой мглой и легкими облаками, витавшими около усеченной его вершины, Алаид гордо высился над океаном. Вулкан казался спокойным. Извержение было на его противоположном, восточном склоне.

Началось извержение неожиданно. 19 июня в Институт вулканологии поступило сообщение со спасательного судна «Зевс». В нем говорилось о том, что в районе острова Атласова моряков засыпало пеплом и что в течение нескольких часов они ощущали сильную качку. На следующий же день, несмотря на непогоду, оперативная группа института выехала к месту предполагаемого извержения.

Алаид встретил вулканологов невероятным грохотом и пеплом. Взлетали и вонзались высоко в небо раскаленные каменные «бомбы». Пепловая туча, подсвечиваемая снизу алым маревом, вздыбилась в поднебесье на многие километры.

Сейнер «Акварин», любезно принявший меня на борт, подошел к острову Атласова и, огибая его с запада на восток, приближался к району извержения. Наконец показался дымящийся двухсотметровый шлаковый конус, насыпанный за два месяца извержения. А вот и лавовая коса — нет, целый полуостров высотой в пятиэтажный дом. Он образовался в ходе извержения и увеличил площадь территории нашей страны на добрых три квадратных километра. Капитан сейнера Юрий Ионович Савенко рассказал мне о том, что новорожденной землей всерьез заинтересовались и гидрологи — шутка ли, береговая линия ушла в море на два километра! Необходимо менять лоцманские карты района, уточнять и карту самого острова.

Позже от вулканологов я узнаю, что общий объем излившейся лавы, по самым грубым оценкам, составил около двухсот пятидесяти миллионов кубометров. Представьте себе террикон высотой почти в две Останкинских башни. Вот сколько лавы вытекло к тому времени. Причем большая часть ее ушла под воду.

А извержение продолжалось. Правда, теперь уже грозный подземный владыка Плутон, видимо, подустал, стал спокойнее. Но тысячеградусная лавовая река попрежнему текла нескончаемым потоком в океан, а тот, жадно поглощая ее, медленно отступал.

...Мы с группой вулканологов не спеша поднимаемся вдоль берега лавового потока к его истоку. Лава — мантийное вещество, а мантия, как известно, располагается под земной корой, которая исчисляется десятками километров. Так что мы, можно сказать, углубляемся в недра земли. Выход мантийного вещества — удача, находка, награда для геолога, ведь земной шар не просветишь рентгеном.

— Смотри, Олег, какие плотные разновидности. — Начальник партии Юрий Дубик склоняется над огромной глыбой. — Давай возьмем от этого монолита.

Олег Волынец откалывает кусок шлаковой корки, маркирует его, кладет в рюкзак. Мне объясняют, что эти образцы помогают проследить воочию изменения уже излившейся породы. Примерно то же происходило при извержениях в далеком прошлом, те же процессы расщепления, кристаллизации вещества. Так формировалась земная кора, «закладывались» полезные ископаемые.

Все ближе лавовое жерло. Становится все жарче. Но что совсем нестерпимо, так это газы. Ветер то и дело меняет направление, мы часто оказываемся просто утопленными в этом смердящем молоке. Игорь Меняйлов называет мне далеко не полный перечень того, чем мы сейчас дышим: хлористый водород, фтористый водород, аммиак, сернистый газ, угарный газ. Последний, правда, запаха не имеет, но разве легче от этого? Нет, все-таки лучше бы Игорь порадовал меня своим сообщением в другое время.

— Почему не надеваете противогазы? — спрашиваю я.

— Надеваем, когда совсем невмоготу.

Через несколько дней приема газовых «ванн» я себя уже чувствовал, как, наверное, тот кролик, которого заставляли постоянно дышать через горящую сигарету.

Остров, на котором мы живем, необитаемый. Правда, сама по себе первозданность и нетронутость этого пышущего буйной красотой мира ощущается не столь остро: как-никак взбунтовавшийся Алаид наследил здесь повсюду. Обожженные ветви ольховника, присыпанная пеплом трава, многотонные глыбы, выброшенные из взрывного жерла вулкана на целые километры. Вот разве что звери. Буквально в трех сотнях (!) метров от лагеря — лежбище сивучей. Десятки этих огромных рыжих морских львов распластались на камнях, лениво нежась в скупых лучах солнца. Берегом к ним не пройти — высоченная отвесная скала, поднимающаяся прямо из воды. Мы поплыли однажды к сивучам на лодке. Причем сели не в «казанку», а в понтон, на весла: сивучи боятся звука мотора. Тихонько подошли к лежбищу, пощелкали аппаратами и назад. Дорого, видно, ценят ребята эту платоническую любовь ластоногих.

Лисы — те совсем другое дело. Их здесь тьма. Не знаю, за кого они нас принимают, но только проявляют они такую смелость, что порой она граничит с ухарством. Как-то ночью я проснулся от возни и грохота посуды на кухне. Утром обнаружилось, что рыжие хитрюги утащили двух красноклювых топорков, из тех, что мы настреляли с вечера. Кроме того, они залезли в плотно придавленную камнями бочку с продуктами и изъяли колбасу, спасибо, что не всю. Причем все было сработано так чисто, что если б при этом мы обнаружили аккуратно распечатанную консервным ножом банку тушенки, то, наверное, не слишком бы удивились. Наша добрая лохматая дворняга Питкин не проявляет к лисам ничего, кроме любопытства, словно принимает их за родню. Ну, а что вулканологи? Вы думаете, они хотя бы разок пальнули по лисам, пускай для острастки? Нет. Об этом и разговор как-то не заходит.

Извержение вулкана Алаид. Выброшенные из взрывного жерла каменные «бомбы» трассируют на фоне ночного неба.

На развороте вкладки:

Ночью у вулкана.

Радиометрист — геохимик Анатолий Чирков.

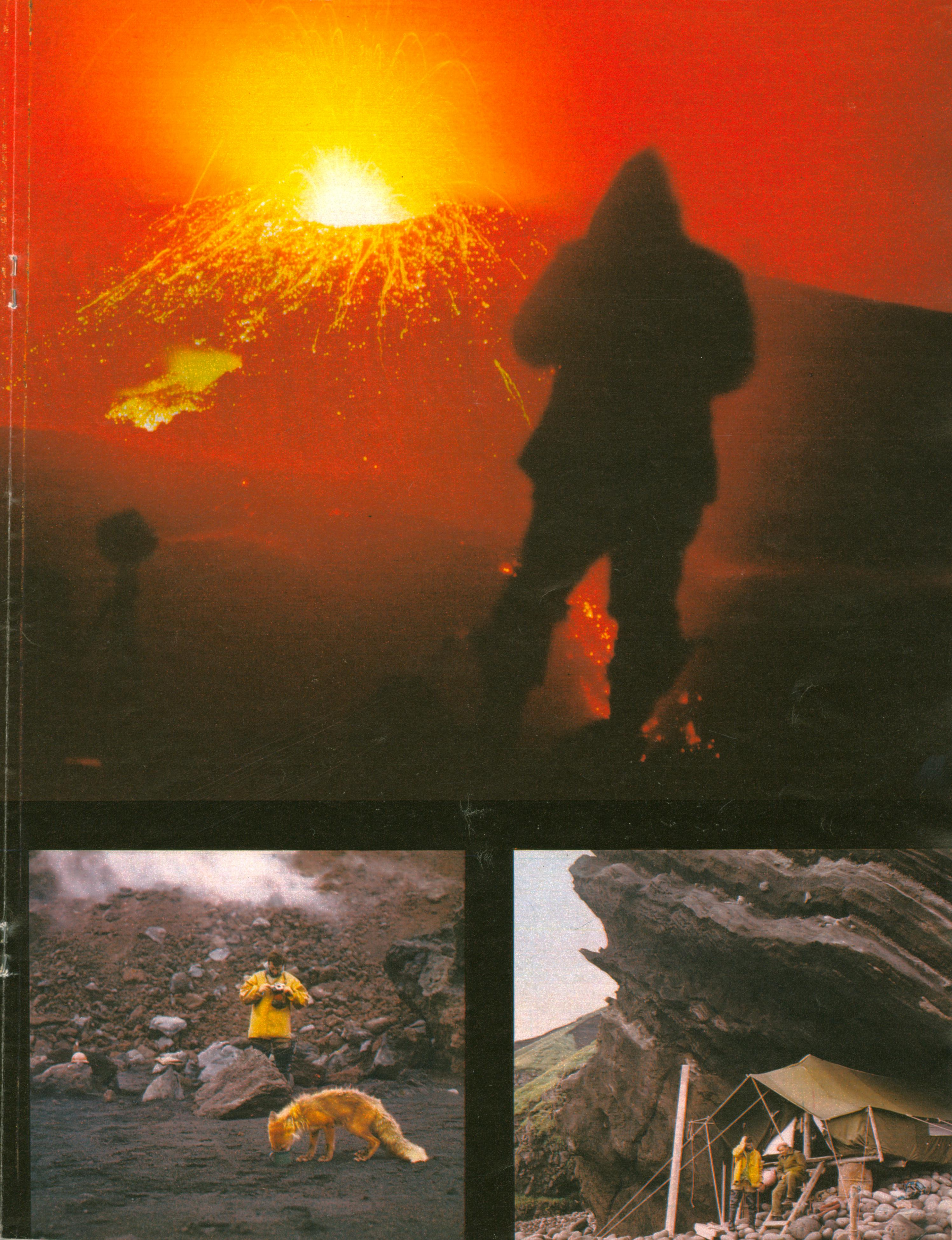
Чтобы взять образцы проб стекающего в океан лавового потока, вулканологи подошли к нему на лодке.

Очередной «гость».

Одна из палаток базового лагеря вулканологов.

Каждый день мы садимся в моторную лодку и плывем на работу. Когда океан неспокоен, идем пешком, но опять же не берегом. Так вырос Алаид из океана своими исполинскими скалистыми утесами, что не подумал о людях, почти не оставил им места на берегу. Мы причаливаем почти у самого лавового полуострова, затаскиваем лодку на берег, выгружаем приборы.

Шагаем по многометровому слою вулканического пепла. Два месяца назад, когда здесь высадилась первая группа, от пепла некуда было деться даже в лагере, то есть в трех километрах от прорыва. Пепел попадал в плотно закупоренные ящики с продуктами, толстым слоем покрывал одежду, скрипел на зубах. Вода в ручьях и водопадах была черной от пепла, лица вулканологов тоже. Да если б это был пепел в нашем обычном, бытовом представлении! Тот, на который дунешь — и нет его. Этот же пепел не продукт горения каких-то веществ, а распыленная порода, и он сам может тебя сдуть. Каким образом? Восходящие потоки горячих газов захватывают холодные, в образовавшийся смерч втягивается пепел, и самум идет в наступление.

Вот, похоже, и наступил такой момент. Не успели мы сделать и сотни шагов от берега, как на нас двинулся внушительный и массивный темно-бурый столб. Смотреть издали — залюбуешься, но вот ты окунулся в него сам, и уже нет тебе никакого дела до этой красоты. Мы, конечно, приготовились: нахлобучили капюшоны, надели защитные очки, присели за огромным камнем, благо вулкан набросал их здесь в достатке. На всякий случай хватаю нашего Питкина за ошейник, но, как потом выяснилось, напрасно: технику безопасности он уже изучил не хуже нас.

Через пять минут снова чисто — просто не верится. Мы с Анатолием Чирковым — остальные пошли к «устью» потока — продолжаем держать путь к верхней газовой воронке. Вскоре сопровождавший нас доселе Питкин останавливается. Дальше он идти не желает. И виновато виляя хвостом, собака смотрит нам вслед.

Поднимаемся дальше, на самый верх гигантского, диаметром в несколько сот метров шлакового конуса. И вот мы на кромке этой разорванной чаши. Стоим лицом к океану, к лавовому потоку, вытекающему через прорыв из нижней воронки. Выше, ближе к нам, еще несколько воронок. Одна из них угрожающе шипит, выбрасывая тучи газов. Спускаемся к ней. Чирков устанавливает приборы, начинает работать.

По возрасту он здесь самый старший — ему тридцать восемь. Хотя на вид, да простит он мне это, заметно больше. Вся жизнь — в геологических партиях и на вулканах.

Исследует Чирков радиоактивность вулканических газов. Тема тонкая, сложная и, как в таких случаях говорят, не очень «хлебная». Дело в том, что радон в газах едва уловим, и далеко не всегда привозит Максимыч из экспедиций «полновесный» материал. Год за годом копит Чирков свои уникальные результаты. Его исследования позволяют судить о миграции радия в земной коре. Измерения концентрации радона — один из ключей к определению состава вещества земной коры по ее профилю, по срезу. Есть здесь и еще один важный момент. Газы — наиболее подвижная составная часть магмы, они тонко реагируют на любые изменения в земной коре и на ее поверхности. Вы уже поняли дальше, в чем дело? По газам, и в частности по радону, судят о состоянии вулканов, и потому с этими исследованиями прогнозирование извержений связано самым непосредственным образом. Ну, все это, конечно, в двух словах, «интервью» вечером в палатке. Тут целая теория, об этом пишутся статьи, книги... И также в двух словах скажу, что исследования вулканологов помогают не только предсказывать извержения. Они имеют и не менее важное прикладное значение: поиски полезных ископаемых.

А пока Чирков трудится у воронки. Затем он спустится к лаве и будет «качать газы» там. Потом вернется в лагерь и начнет «колдовать» над своими пробами. К нему подсядет Игорь Меняйлов с маленьким, как он скажет, вопросом: «Почему сегодня у тебя на первом поле радона оказалось больше, чем на втором?» На что Чирков ответит, что удивляться, мол, нечему, что в первом случае и температура газов была поменьше и водяного пара больше. Но Игорь все же сочтет, что удивляться есть чему. «Ведь если «вычесть» воздух, то на втором поле радона может оказаться больше». И тут Максимыч скажет снова что-то весомое, и Игорь согласится. Да и то, может быть, только до следующего дня. И просидят они еще добрых два часа. А завтра снова вернутся с прорыва, и все начнется сначала...

Однажды мы надеваем каски, спасательные жилеты и плывем к лавовому полуострову. Моросит дождь, и потому к дыму примешиваются обильные тучи водяного пара. Медленно подходим к стене, к фронту стекающей в воду лавы. Как вы помните, нынешнее извержение — редчайшее событие для наших вулканологов. Они впервые наблюдают извержение с истечением лавы в океан. Многие современные геологические проблемы решаются на стыке «континент — океан». Позже Дубик будет мне рассказывать про базальты морского дна и материков. Про то, как, сравнивая их, можно многое узнать о формировании земной коры в разных областях планеты. И вообще о том, что дает геологу реставрация великой картины «сотворения мира»... Ребята сказали, что Юра пишет стихи. И подумал я, что, должно быть, это хорошие стихи...

Но сейчас ему и Глебу Флерову не до стихов и глобальных проблем. Многометровая лавовая стена мрачно надвигается на нас. Все уже полоска воды. Глеб то и дело сует в воду термометр. Тридцать градусов... Сорок... Недалеко от нас в воду с грохотом валится отколовшийся кусок лавы, и нас хорошенько качнуло.

Наконец лодка тычется носом о лавовую стену. Юра откалывает несколько кусков, и мы быстро отгребаем в безопасную зону. «Да, — думаю, — это сейчас, когда извержение поутихло, лава течет спокойнее. Но ведь еще две недели назад все было иначе, камни в море валились один за другим».

— Давно ли,— спрашиваю,— стали проводить эти «экскурсии»?

— Давно,— отвечают. Вот такто...

* * *

К сожалению, дождаться конца экспедиции я не мог: дела звали в Москву. И вот недавно, когда материал этот был уже сдан в редакцию, я получил письмо от Дубика. Выдержкой из него и кончается мой рассказ:

«...Ты хочешь узнать, что у нас происходило дальше. Продолжались суровые будни. Вулкан заткнулся совершенно 11 сентября. Он быстро деградировал, и в результате от жерла осталась маленькая дырочка, глазок красненький, откуда мы отобрали уникальный образец реального магматического газа. Вообще должен тебе сказать, что материал собран исключительно интересный, но над ним надо год-два поработать, чтобы получить результат, который уже сейчас пахнет открытием среднего масштаба.

Интересно нас снимали с острова. Накат был очень приличный. Все промокли до нитки. Когда разложили все на палубе, было похоже на толкучку: фотоаппараты, плавки, сапоги и все, что угодно. Но самое ценное — образцы и пробы газов — сберегли, ничего не утопили...»

Петропавловск-Камчатский — Курильские острова — Москва.

Пепловые выбросы из кратера Алаида. Мелкораздробленная порода разносится на многие километры от вулкана.

Сотрудник Института вулканологии Василий Подтабачный за киносъемкой одной из стадий извержения.

Новый рабочий день вулканологов.

Кандидат геолого-минералогических наук Генрих Штейнберг.

Поток вулканической лавы стекает в океан.

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ШАНДОРА ПЕТЕФИ

ПРОРОЧЕСКАЯ Л

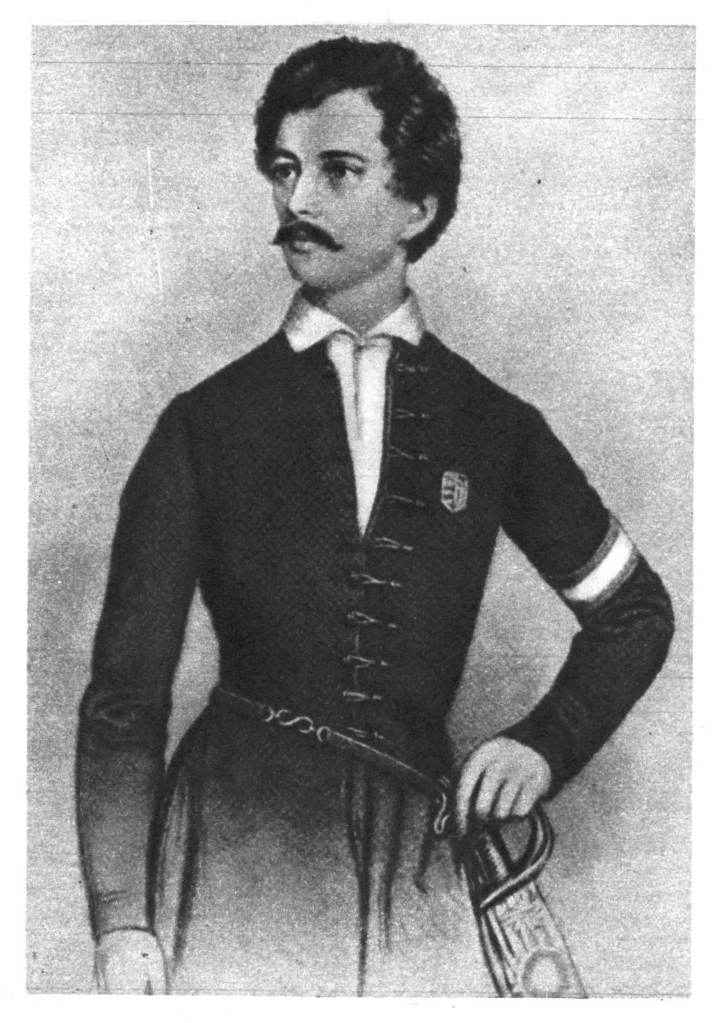
Е. УМНЯКОВА

По преданию, Шандор Петефи родился в тот час, когда только что отзвенели колокола в небольшом степном селении Киш-Кереш, радостно встречавшем новый, 1823 год. Мальчик был крошечным и казался хилым. «Видно, в мать пойдет», — подумал отец, с нежностью глядя на хрупкую, болезненную Марику. Дочь сапожника, Мария Хруз до замужества жила в прислугах, была прачкой и, даже выйдя замуж за мясника Иштвана Петровича, порой потихоньку от всех подрабатывала стиркой белья. Разбогатев, Петровичи старались дать Шандору блестящее образование, посылали его в лучшие гимназии и лицей, надеясь, что когда-нибудь их первенец «выбьется в люди». Но судьба позаботилась о том, чтобы будущий поэт на себе испытал все невзгоды и унижения «маленьких» людей, яростными и пытливыми мальчишескими глазами увидел жизнь такой, какой она и была в действительности. Впрочем, его беды и унижения отнюдь не прошли бесследно: именно они помогли юному Петровичу стать поистине народным поэтом и войти в историю мировой литературы под именем Шандора Петефи.

Странствуя по жизненной дороге,
О шипы я окровавил ноги,—

вспоминал он свое отрочество.

Что ни день, то новое несчастье. Разорившись, Петровичи оказываются на пороге нищеты. Шандору, к шестнадцати годам во многом переросшему своих учителей, тягостно учиться из милости, на казенный счет, и он решает осуществить свою заветную мечту — стать артистом. Но и здесь счастье не улыбается ему. Самолюбивый, ершистый, легко ранимый, юноша оказывается на положении слуги, выполняющего мелкие, подчас унизительные для него поручения актеров. Не мудрено, что вскоре он бросает театр, пробует учиться, затем вербуется в солдаты и, наконец, вновь присоединяется к бродячей труппе. Полуголодный, но несломленный, в зной и стужу скитается он по родной стране, ночуя в лачугах бедняков, в ригах и конюшнях, а то и в стоге сена. Как не умер он с голоду? Почему всегда находился какой-нибудь крестьянин, деливший с ним кров и кусок хлеба? Резкий, надменный и задиристый среди богатых школяров и их родичей, он чувствует себя своим среди деревенских бедняков. Он охотно учит их своим стихам, своим песням. Передаваясь из уст в уста, его стихи облетают всю Венгрию, и, по свидетельству одного из современников, «каждый вечер поэт засыпает под звуки собственных песен».

В своих стихах и песнях юный Петефи умеет передать всю палитру чувств — от нежности до гнева. Признаться в любви и рассказать о величавой красоте родных просторов. Не стыдясь своей бедности, подшутить над ней и своими огорчениями. Поднять бокал вина и провозгласить здравицу за свободу. С дерзкой насмешкой Петефи отвергает весь кодекс условностей, писаных и неписаных законов своего времени. В некоторых стихах он даже отождествляет себя с деревенскими бунтарями — бетярами, которых нужда толкнула на большую дорогу. Для Петефи нация, родина — это не дворянство, а исстрадавшийся, но сильный духом венгерский народ: степные табунщики и землепашцы, крестьянские девушки и парни, измученные солдатчиной, впервые в поэзии тех лет сбросили маскарадный «национальный» костюм и заговорили во весь голос в его стихотворениях. В поэме «Витязь Янош» нравственно приподнимается, поэтизируется бедный крестьянский паренек — пастух Янош Кукуруза. Он на глазах читателя превращается в сказочного богатыря, побеждающего на чужбине несметные полчища врагов, гордо отвергающего корону и руку прекрасной королевы ради своей многострадальной родины, ради своей Илушки. Но вместе с тем в поэме слышится и мотив скованной могучей силы, гибнущей напрасно, грусть о том, что жизнь не сливается со сказкой. Все чаще в его стихах звучит тема двух миров, разделенных непроходимой стеной, появляется предчувствие грядущих боев за отчизну и образ Свободы, который ощущается физически, как реальность. Ради свободы поэт готов пожертвовать любовью и личным счастьем.

1848 год был годом европейских буржуазных революций. В январе начались восстания в ряде городов и провинций Италии, крестьянские волнения охватили Хорватию, в феврале была объявлена республикой Франция, в марте восстала Вена, и ненавистный народам Меттерних был вынужден бежать из Австрии. Самой накаленной точкой Габсбургской империи в этот период становится Венгрия, против воли оказавшаяся ее бесправным вассалом. Революционная борьба неразрывно сливается здесь с задачами национально-освободительного движения.

Пророчески предчувствуя приближение революции, Петефи торопит события, не в силах дождаться, когда же наконец жесткий ветер революции перенесет в Венгрию пламя пожара. Поэт готовится к всемирной революции.

Судный тот день, суд народов настанет,—
Всем на земле по заслугам воздастся,—
Сабля расправу вершить не устанет,
Чтоб ни один угнетатель не спасся!

Всегда ощущавший себя в поэзии глашатаем нищего и мятежного люда, в бурные и прекрасные дни 1848 года поэт становится трибуном и оратором, вождем революционной «Мартовской молодежи». Его маленький столик в кафе «Пилвакс», где собиралась передовая молодежь, недаром называли «столом общественного мнения», а стихи подчас предопределяли ход революционных событий. Так, например, стихотворение «Магнатам» и ложный слух, будто бы Петефи возглавляет сорокатысячное крестьянское войско, заставили сейм с небывалой быстротой отменить крепостные повинности. А его «Национальная песня» поистине стала увертюрой революции, ее гимном, молниеносно облетевшим всю страну.

15 марта 1848 года Петефи возглавил восставший народ: студентов, подмастерьев, поденщиков, крестьян, приехавших на ярмарку. В тот же день повстанцы завладели столицей. Они освободили политических заключенных, захватили типографию, где отпечатали важнейшую революционную программу («Двенадцать пунктов») и «Национальную песню» Петефи. Напуганные размахом революционного движения, Габсбурги пошли на уступки и дали согласие на создание первого венгерского правительства во главе с лидером либеральной оппозиции Лайошем Баттяни. Однако это правительство, по иронии судьбы названное «независимым» и «ответственным», как огня боялось разрыва с Габсбургами и даже создало специальное министерство по делам связи с Веной. Представители народа, и в том числе Шандор Петефи, не были включены в состав правительства.

Мечтая о «маленькой», «бескровной» революции, сильные ми-

ИРА

ра сего шли на любые ухищрения, лишь бы заставить Петефи почить на лаврах и славы ради пойти на компромисс с «законной властью». К «нищему поэту» был даже послан бывший приятель с просьбой «утихомирить» народ. Как плохо знали они характер поэта!

Полный энтузиазма, безудержного огня, негодования, Петефи чувствует себя буревестником, сторожевым криком предупреждающим об опасности, угрожающей завоеваниям революции. В его стихотворениях все чаще возникает аллегорический образ бездействия, пытающегося связать крылья «Геркулесам действия» — революционной молодежи. Подчас в них слышится горестный вопрос, звучащий вызовом пустословному парламенту или откровенной издевкой над ним («Шумим, шумим», «Довольно!», «К Национальному собранию»). В дни, когда правительство Баттяни оспаривало у Чехии «великую честь» принимать у себя императора Фердинанда, изгнанного революционной Веной, Петефи открыто заявляет, что время монархии кончилось («Королям», «Готовься, родина», «Австрия»).

Трепещите! Все у вас в былом.
А в грядущем — ждите
приговора,
Что готовит высший судия.
...Что бы там льстецы ни
толковали, —
Нет ВОЗЛЮБЛЕННОГО короля!

Гневный трибун, «беспощадный Петефи» в дни революции создает и шедевры интимной лирики. В невесте, а затем жене — Юлии Сендреи ищет товарища и соратника в борьбе, умеющего противопоставить житейским невзгодам преданность и смелость большого чувства. Искренне и непосредственно поэт вводит нас в душевный мир Юлии. Однако патриотические чувства Поэта и Гражданина словно раздвигают интимный маленький мирок, стены той комнаты, где, «склонив на грудь усталую головку, спокойно, тихо спит моя жена». Поэт торопит жену шить знамя борьбы и с нетерпением ждет того мига, когда сможет наконец ринуться в бой со своим палашом. Но этот миг наступает не сразу, и Петефи глубоко страдает, видя, как либеральное дворянство хитростью и подлостью отстраняет лидеров левого крыла, лишает их реальной возможности баллотироваться в парламент. Такая же судьба постигает и самого поэта в дни так называемой «предвыборной кампании». Неожиданно для себя самого он, любимец народа и его признанный вождь, вдруг оказывается отброшенным чьей-то враждебной рукой, почти лишенным возможности печататься и, как ему тогда казалось, приносить реальную помощь родине. Так рождается мрачная, трагическая поэма «Апостол» — гимн борцу-революционеру, гибнущему на эшафоте во имя народа. Эта поэма, созданная Петефи менее чем за три месяца, по праву считается одной из вершин революционного романтизма той эпохи.

Осенью 1848 года, когда Габсбурги вероломно нарушили все свои обещания и Венгрия вступила в открытый бой с преобладающими силами мировой реакции, Петефи надевает военный мундир и мужественно сражается в Трансильванской армии, возглавляемой польским генералом Бемом. В перерывах между боями он создает стихотворения, от которых веет молодецкой удалью, дерзким, насмешливым презрением к опасности и даже к самой смерти. Очень смелый человек, имевший полное моральное право сказать: «мадьяр — так, значит, он бесстрашен», — Петефи становится тем редким офицером, к которому интуитивно тянутся солдаты, когда им приходится туго, когда становится страшно под натиском преобладающих сил противника, брошенных на революционную Венгрию. «Против нас полмира ополчилось»,— с горечью заявляет он в одном из последних стихотворений и в то же время гордо утверждает: «Я говорю, что победит мадьяр». «Верь, надейся, люби»,— пишет он жене в конце июля 1849 года, за несколько дней до своей гибели на поле Шегешварской битвы.

Таинственная гибель Петефи, подробности которой до сих пор остаются спорными и неизвестными, на протяжении десятилетий волновала умы: ведь никто не видел собственными глазами, как он был убит, ни одному человеку не удалось найти его труп. Легенды рождались одна за другой. Находились «очевидцы», якобы встречавшиеся с поэтом, прятавшие его у себя и даже сидевшие вместе с Петефи в австрийском каземате... В дни жестокой реакции, когда тысячи патриотов томились в тюрьмах, трудно было не поверить этим легендам: ведь, как известно, приказ об аресте Петефи был отдан Веной еще в 1848 году.

С годами легенда о Петефи начала наполняться новым содержанием: простой люд верил, что поэт бессмертен, что он вернется в тот день и час, когда Венгрия наконец обретет подлинную свободу и станет «жизнь всех краше и светлей».

...В день, когда враги умрут,
Я должен быть поднявшим
песен труд,
Чтобы воспеть свободу до конца
И память о священных
мертвецах,
Чьей кровью ты, отчизна,
крещена,—
Рожденья песней прозвучит
она!

Сбылось предчувствие Петефи: его стихи прозвучали «рожденья песней» в новой, социалистической Венгрии, претворяющей в жизнь мечты своего великого поэта и гражданина.

Кадр из фильма: Таня — Т. Седельникова, Кузнецов — Б. Токарев.

Владимир ПАВЛОВ

Есть фильмы, о которых не хочется говорить, что ты их всего лишь видел: события, происходящие в этих фильмах, захватывают тебя, закручивают в столь крутой жизненный водоворот, что будто вдруг исчезает экран и ты сам становишься деятельным участником событий... К таким относится выпущенная киностудией «Мосфильм» лента «Горячий снег».

С первых же кадров мы вместе с солдатами-артиллеристами переносимся на тридцать лет назад и прибываем на фронт. Поезд наш стоит посреди унылой, зимней бело-желтой степи, рассеченной надвое железной дорогой, на продутом ветрами крохотном разъезде. Закончилась разгрузка, солдаты высыпали из теплушек, и мы знакомимся с героями: двумя молоденькими лейтенантами, только что окончившими училище, и веснушчатой милой девчонкой-санинструктором Таней, которая в солдатском кожухе и шапке-ушанке не утратила трогательного женского обаяния и нежности — таких удивительных здесь, в неприютной военной степи.

Оба лейтенанта любят Таню. Любят по-разному.

Один, командир взвода, Кузнецов,— жертвенно и отрешенно, не надеясь на ответное чувство и не домогаясь его.

Другой, начальник Кузнецова, комбат Дроздовский,— эгоистично, собственнически.

Таня отдает свою любовь комбату, первую, светлую, нетребовательную, всепрощающую любовь. И хоть мы понимаем, что любовь не считается ни с рангами, ни с должностями, ни порой с неприятными чертами характера, нам все-таки чуточку жаль, что Таня любит комбата, неуравновешенного, честолюбивого, заносчивого парня, перечеркнувшего даже дружбу со своим однокашником, едва шагнув на более высокую должностную ступень.

А артиллеристы уже на марше... Они не знают еще, что скоро встанут со своими пушками на берегах безвестной дотоле речки Мышковы, что лишь немногим из них суждено уйти живыми с тех заснеженных берегов и что речка Мышкова, приняв в свои холодные, покрытые льдом воды их чистую кровь, вместе с ними войдет в бессмертье...

Они не знают этого. Но знает это генерал, командующий армией Бессонов. Знает член Военного Совета Веснин. И мы с вами знаем, что мчит к Мышкове танковая ударная группа генерала Гота — авангард деблокирующей группировки генерал-фельдмаршала Манштейна, что старая лиса фельдмаршал верно выбрал направление удара, который — он уверен в этом,— как ножом, вспорет наш фронт и вызволит шестую армию Паулюса, окруженную под Сталинградом, и что, кроме вот этих солдат-артиллеристов, нет поблизости сил, способных остановить танковый таран...

Тяжела ответственность полководца-коммуниста, посылающего в смертный бой солдат — молодость страны, ее цвет и надежду... В скупых словах и жестах командующего и члена Военного Совета, чьи сыновья тоже бьются с врагом на других фронтах, мы явственно ощущаем ту свинцовую тяжесть, ту острую душевную боль, какую испытывают они, когда настает час отдать приказ. Но мы понимаем: иначе нельзя. Потому что здесь решается не судьба армии Паулюса, а судьба сотен и тысяч советских людей. На всех фронтах. В далеком нашем тылу. И на полоненной врагом земле...

И приказ отдан. И грянул смертный бой.

Откуда-то, из недр багрового горизонта, вынеслись самолеты-штурмовики, ударили крупнокалиберные пулеметы, над артиллерийскими позициями встали столбы разрывов.

Вздымая тучи песка и снега, помчались танки и самоходки... И степь превратилась в кромешный ад, почернела, окровавилась, заполнилась грохотом взрывов, свистом осколков, лязгом и ревом, бензиновой и пороховой гарью, стонами раненых и умирающих...

Танковая атака!.. Нет зрелища грознее. Кажется, ничто не устоит под ее чудовищным напором. Но стоят артиллеристы. И мы стоим вместе с ними, подносим снаряды, в бешеной спешке наводим орудия, надсаживаясь, выкрикиваем хриплые слова команд... И стреляем, бьем и бьем из пушек в ревущую, изрыгающую огонь железную смерть.

И вот уже в яростном накале боя ты сам готов выскочить из окопа, вцепиться зубами в лязгающие гусеницы, упереться плечом в стальную броню — лишь бы остановить!..

Один за другим падают и гибнут наши солдаты. Замолкают орудия. А командующий все не вводит в бой резерв... Хочется крикнуть ему: «Дай же, наконец, дай подкрепление!» Но тут же соглашаешься с генералом: рано! Пусть окончательно выдохнется враг, пусть вымотается, растеряет свои танки, а с ними и наступательную мощь.

Гремит бой. Но и здесь живет любовь, и огонь сражения не в силах сжечь неяркий ее цветок-бессмертник. Таня гибнет по вине своего возлюбленного, но любовь остается все равно.

И когда наступает победа и подошедшие из резерва советские части опрокидывают и гонят врага, веришь, что комбат Дроздовский вышел из этих огненных суток совсем другим. И что на всю его будущую жизнь, как шрам тяжкой раны, ляжет отметина — утрата светлой и верной любви...

* * *

А вот кто делал этот фильм. Сценарий — Ю. Бондарев, Е. Григорьев и Г. Егиазаров, режиссер — Г. Егиазаров, оператор — Ф. Добронравов, главный художник — В. Голиков, композитор — А. Шнитке, звукооператор — В. Курганский, военные консультанты — генерал армии И. Павловский и генерал-лейтенант В. Воскресенский, директор картины — А. Фрадис. В ролях: Н. Еременко, Б. Токарев, Т. Седельникова, Г. Жженов, А. Кузнецов, В. Спиридонов, Ю. Назаров и другие.

БОЕГОТОВНОСТЬ – ВСЕГДА!

За выдающиеся успехи в боевой и политической подготовке воинам гвардейской танковой Кантемировской дивизии 20 декабря был вручен Юбилейный почетный знак Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР. Юбилейный знак вручил министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко.

На снимке (справа налево): министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко, командующий войсками МВО генерал-полковник В. Л. Говоров, командир дивизии гвардии полковник В. М. Архипов, начальник Главного политуправления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии А. А. Епишев, начальник политуправления член Военного совета МВО генерал-полковник К. С. Грушевой.

Фото Г. Саурова.

РАДИО

ТЕЧЕТ РЕЧКА ГРОМОТУШКА...

Н. ТОЛЧЕНОВА

Через старинное русское село течет Громотушка, невеликая вроде бы речка... Течет, не пересыхая под знойными степными ветрами летом, не замерзая в лютые зимы; снег, словно в кипятке, тает в быстрых, журчащих струях, да гуще, плотней оседает туман над берегами.

Значит, есть какая-то в ней сила, в этой Громотушке... И, кажется, всяк по-своему, похожи чем-то на нее многие интересные люди, живущие по берегам речки, в селе Шантаре: такие же деятельные, неуступчивые, крутые, гордые, как в народе говорят — хара́ктерные...

Откуда же берутся, как возникают такие характеры? Жизнь ли сама складывает их, как хочет, или от человека тоже немало зависит в его счастье и несчастье, в его судьбе?..

Это не зряшный вопрос!.. И писатель Анатолий Иванов, всматриваясь в поступки героев своего романа «Вечный зов», рассказывая о том, чего они хотят для себя и других, что накипело и вызрело в душах, сформировало взгляды, понятия и закалило нравы, делает все происходящее в их жизни важным, интересным, нужным и для нас, сперва читателей романа, а вот нынче и слушателей радиопостановки, созданной по роману...

С большой любовью отнеслись режиссер-постановщик Э. Верник и сценарист Н. Репухова к своей нелегкой задаче: сохранить атмосферу произведения — крупного, эпически просторного, добротно и неспешно развивающегося в манере, типичной для Анатолия Иванова, вместив более чем полувековую историю села в две сравнительно небольшие по времени передачи.

Они сделали это... Роман получил второе рождение, обрел новую жизнь: мы услышали ее... Страницы книги как бы сами зазвучали, запели, заговорили... И теперь, перечитывая «Вечный зов», всегда будешь воссоздавать в себе эти живые голоса: задумчивую, неспешную речь Ведущего (Б. Чирков); резко контрастные, непримиримые, порой даже ненавидящие интонации главных героев, братьев Савельевых (Федор — И. Тарханов, Иван — В. Авдюшко, Антон — Ю. Пузырев), чьи сложные взаимоотношения и составляют основу напряженного сюжета, полного остродраматических, но всегда убедительных поворотов. Вот в них-то человек и проверяет себя. Сам проверяет силу души своей...

Специфика радиоспектакля позволяет постановщику непринужденно переносить действие из нынешнего, советского времени в дореволюционную жизнь героев, когда Федор, совсем еще молодой, смазливый парень, хитро приглядывается к богатею Кафтанову,— глядишь, благодаря женитьбе на дочке его Анне и выйдет в люди!.. Как червяк дерево, точит эгоизм Федора: чужд он властному, извечному зову жизни, который заставляет искать и находить свое, человеческое место среди других, как это удалось его брату Ивану, становиться бойцом за справедливость. Но Анне-то суждено полюбить не Ивана, а Федора... Полюбить по-настоящему... Весной 1918 года Анна с Федором Савельевым ушли в кружилинский партизанский отряд, у Кафтанова же остается Иван Савельев, надеясь еще встретить свою любимую Анну...

Долгую и нелегкую жизнь прожила с Федором Анна после тех давних событий, уж и дети стали взрослые. А все-таки расстанутся они: чужой Федор в семье, и нет у Анны больше сил терпеть жестокость, неискренность, жадность...

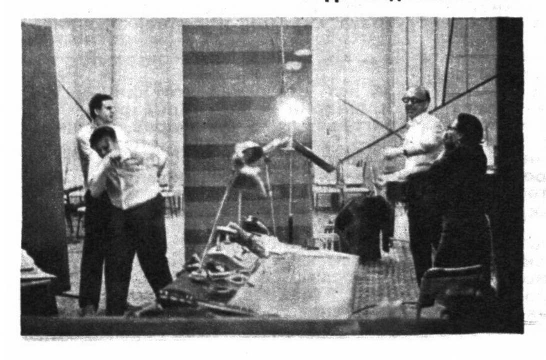
— ...Я проклинаю то время,— кричит Федору Анна,— когда замутил ты мою голову!.. Все, все правильно Иван сказал про тебя: не любишь ты никого — ни меня, ни детей, ни жизнь эту, ни власть, никого. И себя, должно, не любишь...

Мы без труда узнаем в этом прекрасном голосе, донесшем страстный всплеск чувств Анны, актрису вахтанговского театра, великую мастерицу перевоплощения Ларису Пашкову...

Сильный, умный радиоспектакль на современную тему лишний раз свидетельствует, что эта форма общения со слушателями жива даже и в дни всеобщего увлечения телевидением: они отнюдь не «конкуренты», а единомышленники.

Рабочий момент записи радиоспектакля.

Фото Н. Свиридовой и Д. Воздвиженского.

СПО

Джеймс ОЛДРИДЖ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Глава III

Я не думаю, чтобы в то время Скотти знал о плане Дормена Уокера — завладеть Тэффом в счет оплаты безнадежного отцовского долга. В поведении Скотти не было ничего, что заставило бы предполагать обратное. Поэтому, если бы даже его отец согласился (в чем мы все сомневались), единственным действительно осведомленным человеком мог быть, кроме Энгуса Пири, только сам Дормен Уокер, для которого пони стоимостью в двадцать фунтов означал то же, что такая сумма наличными.

Словом, нам стало известно только одно: Энгус Пири поначалу наотрез отказался отдать Тэффа — некоторые горожане даже слышали, как Энгус и Уокер довольно громко пререкались по этому делу в конторе торговца.

А потом случилось и вовсе неожиданное: малыш Тэфф пропал! И это, конечно, перевернуло все вверх дном.

Исчезновение пони ошеломило всех. Тут была какая-то тайна, не находившая объяснения, хотя и появились сразу десятки разных предположений. Однако ничего толкового в этих гаданиях не было, кроме самого факта, что Тэфф исчез, испарился бесследно. Шли поздние недели зимы, вода в реке была еще высока, дно вязко; возможно, как-то ночью Тэфф выбрался из небрежно запертого загона и направился к берегу в поисках какого-нибудь корма. Такие прогулки не были у Тэффа необычными: как и Скотти, он был своеволен и не любил дисциплины, а главное, почти всегда чувствовал голод. С недавнего времени Скотти возил с собой сумку, в которой лежал английский серп, и, где бы он ни приметил немного травы, пригодной для пони, он нарезал ее и привозил домой. Друзья Скотти часто видели, как он, даже в школе, складывал пучки травы, собранные для Тэффа. Друзья и обожатели малыша Тэффа поддерживали его кое-чем из школьных завтраков, но дома, на ферме, всегда была нехватка: с кормами в ту зиму было исключительно тяжело.

Так все это выглядело, когда Скотти вскочил утром и крикнул матери:

— Тэфф поднял задвижку в загоне и ушел к реке!

Продолжение. См. «Огонек» № 1.

...РТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

И Скотти побежал через топкую грязь к реке. Он был уверен, что найдет Тэффа тут же, вблизи, у тощих полосок сухой травы. Но Тэффа не было нигде, и, поскольку место было ровное, положение стало выглядеть угрожающим. Чем больше Скотти оглядывал местность, тем становилось яснее, что Тэфф не пасется где-нибудь вблизи. Тогда Скотти решил обшарить каждый дюйм на ферме, вокруг нее и по берегу реки, чтобы убедиться, не упал ли Тэфф, не сломал ли ногу, не укусила ли его змея или игуана и он валяется где-нибудь мертвый. Правда, для змей было еще рано просыпаться от зимней спячки, как и для игуан. Но от этих зловредных уродов всего можно ожидать! Укус игуаны вполне может убить лошадь; мы слышали даже, что от одного только страха перед нападающей игуаной лошади иногда падали бездыханными.

Может быть, проголодавшийся Тэфф съел какую-нибудь сгнившую дыню и его раздуло, больного и бессильного, где-нибудь в зарослях? Скотти бросился искать по всем прибрежным фермам — ни малейшего следа! Огородники с Китайского рынка сами вызвались участвовать в поисках. Все было напрасно: Тэфф как сквозь землю провалился.

Оставалось одно: река. Тэфф мог каким-то образом свалиться в воду и утонуть.

Скотти бродил вверх и вниз по течению реки, вглядываясь в кромку берега — нет ли где-либо следов копыт. Но он ведь знал: Тэфф боится воды! Было просто невероятно, чтобы пони даже подошел близко к реке, а тем более со злости кинулся в воду и пустился вплавь. Дикие лошади на том берегу, в хозяйстве Эллисона Айра, иногда поступали так, но ведь это был Тэфф со своим страхом даже перед мелкой лужицей.

И тогда пришла мысль о краже. На ферме Пири не держали собак, опытный вор мог выманить Тэффа каким-либо кормом и увести его. Ведь если Тэфф ушел сам, кто-нибудь должен же был его заметить на дороге, привести или хоть сообщить о нем?

В городе уже почти все знали о пропаже. После двух дней поисков по зарослям Скотти пришел в школу один, без Тэффа, пешком. Мы наперебой стали судить и рядить, и каждый по-своему старался объяснить неожиданное происшествие. Но на любое соображение или совет Скотти хмуро отвечал одной фразой:

— Вы не знаете Тэффа.

Дорис Даулинг всегда была справедлива к Скотти и Тэффу и настаивала на том, что пони никогда не ушел бы с чужим человеком. Но мы-то знали, что Тэфф был таким же «неожиданным» в своих действиях, как и его хозяин. Это было твердо доказано: когда, например, нашим школьным сорванцам удавалось врасплох вскочить на спину Тэффа, он выжидал несколько секунд, осторожно и как будто смиренно поглядывая вокруг, а потом молниеносно оборачивался и кусал обидчика за ногу, либо начинал рыть копытами землю и пускался в дикую скачку по кругу, пока не сбрасывал с себя неприятную ношу.

Больше всего Тэфф не любил мужчин и мальчишек, зато иногда по приказанию Скотти позволял кому-либо из девочек подойти и погладить себя. Однажды он даже снисходительно разрешил Дорис Даулинг провести себя под уздцы по берегу, пока Скотти купался. Я думаю, Дорис как-то действовала на Тэффа своим обаянием.

Мы решили в школе, что, кто бы ни украл Тэффа (а уже не оставалось иного объяснения), этот человек должен был быть знатоком лошадей, знать Тэффа, ферму Пири да и иметь какой-то резон совершить эту кражу. И, само собой, указующий перст стал направляться в сторону Дормена Уокера, которого мы очень не любили. Казалось, впрочем, странным, чтобы богатый торговец стал воровать лошадь, но такова уж была репутация Уокера: он любым способом выколачивал у бедняков все, что можно было взять за долг, иногда он даже посылал трактор забрать и увезти с фермы семена, или какую-нибудь машину, либо часть урожая в покрытие долга.

Все это было возможно, но только возможно, не более того. Поначалу Скотти не принимал такой оборот дела всерьез. Он просто верил, что Тэфф как-нибудь и когда-то вернется сам, и чем больше мы спорили, тем угрюмее, молчаливее он становился. Потом наши рассуждения и озабоченность, видимо, начали все-таки склонять Скотти к тому, что Тэфф впрямь украден и теперь не может найти дорогу домой.

Я никогда не забуду мужественного, сосредоточенного лица Скотти, когда он приходил пешком в школу. Четыре ноги Роб-Роя сократились до двух, верхушка дерева осталась без ствола. Это было печальное зрелище. Скотти приходилось теперь шагать, как всем людям, по тротуарам. Забывшись, он начинал притопывать ступнями, покачиваться из стороны в сторону, как если бы под ним несся галопом призрак во плоти — Тэфф. Говорят, что всадник, потерявший коня в бою, беспомощен, как дитя, оторванное от материнской груди. Я думаю, что спешенный Скотти больше походил на случайно забредшего к нам путника из другой страны. Все для Скотти как бы стало теперь «временным», и, видимо, это-то и побудило его по-настоящему задуматься о себе самом.

Глава IV

В нашем городе все хорошо знали, что такое семья богатого скотовода Эллисона Айра, и этого было достаточно, чтобы понять все, что произошло в дальнейшем. Но, может быть, сейчас требуются некоторые пояснения.

Айры были коренными скваттерами, издавна поселившимися на обширных открытых пастбищах по обе стороны реки. За восемьдесят лет владения фермой «Риверсайд» они разбогатели и приобрели вес и власть, возглавив аристократию нашего города. Строго говоря, они не были гражданами Сент-Хэлен и даже нашего штата. На их стороне реки был уже штат Новый Южный Уэльс, а Сент-Хэлен принадлежал штату Виктория. Наша полиция не обладала поэтому юрисдикцией над тем, что делалось по ту сторону городского моста. Река служила границей, но реальным барьером между нами и Айрами было, конечно, богатство этой семьи, их чувство превосходства над прочими, под которыми понимались наши горожане.

Эллисон Айр был последним в семье владельцев доброго старого поместья «Риверсайд». В детстве его обучала гувернантка, затем он окончил среднюю школу в Лондоне и впоследствии Оксфордский университет. Он женился на дочери одного из Далькейтов, биржевиков, ведших операции с шерстью и зерном. У них родилась дочь Жозефина (Джози), в описываемое время она была однолеткой Скотти.

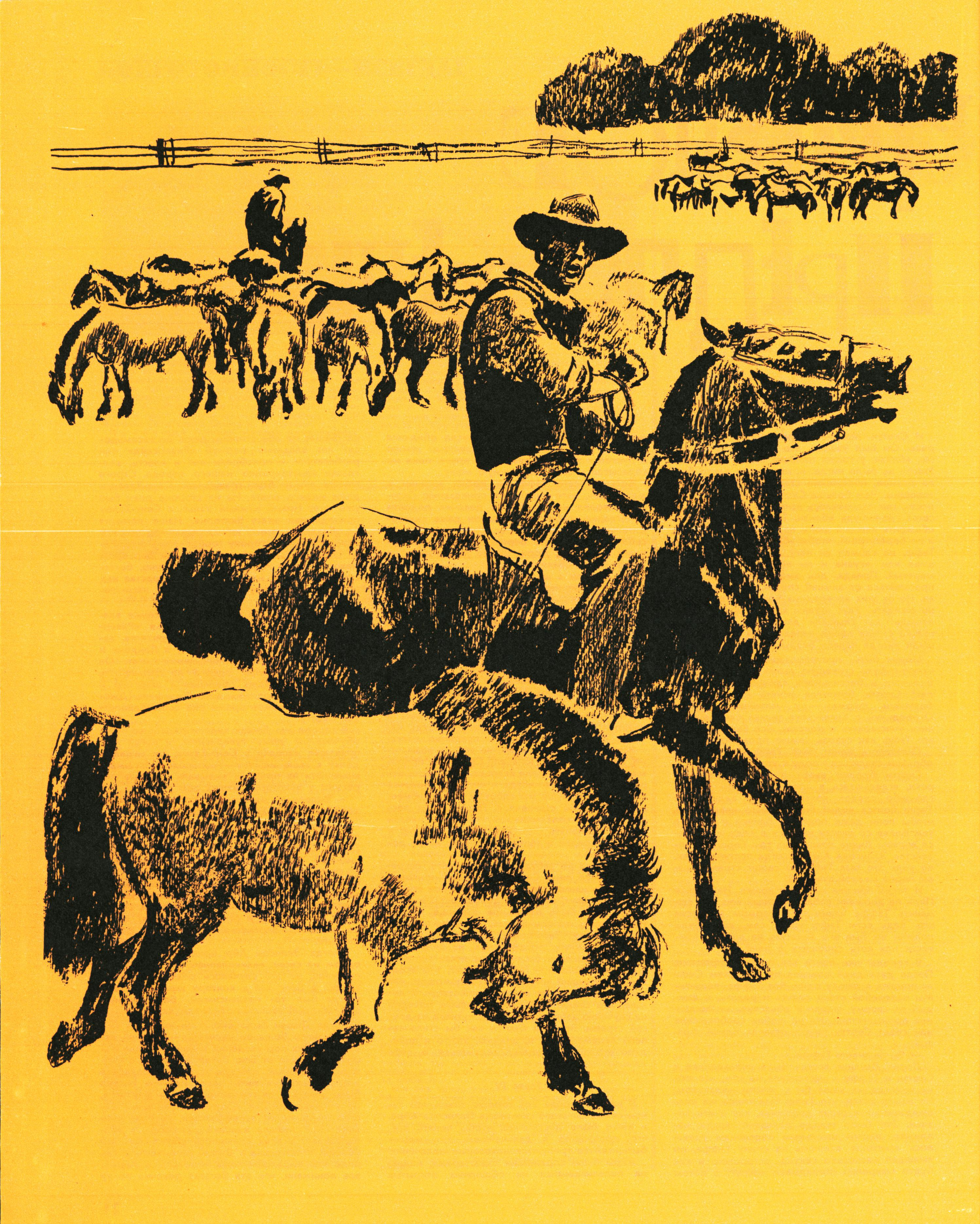
В городе мы Джози видали редко: ее тоже обучала на дому гувернантка, и когда Айр приезжал изредка в Сент-Хэлен, он сажал и дочку в свою машину — «шевроле» или «мармон». Эти их приезды вызывали длинные пересуды у некоторых наших дам.

— Видели вы маленькую Джози Айр? Опять наследница приезжала с отцом...

В этих разговорах была либо лесть, либо неприязнь — в зависимости от того, кто их вел. Джози не была красивой, даже просто хорошенькой, не была она и упрямой девчонкой со своевольным характером. Наконец, ее трудно было назвать очень умной. Я помню ее замкнутой, уравновешенной девочкой, носившей всегда бриджи для верховой езды, с резкими движениями и отрывистой речью, словно она всегда заранее знала, что и как должно быть.

Иногда Эллисон Айр приезжал верхом на одном из своих великолепных, чистых кровей скакунов, но это случалось редко. Когда он входил в банк или в контору юриста, у него всегда был тот независимый, безразличный вид, который свойствен богатым людям.

Когда Джози было около одиннадцати лет, ее постигло большое несчастье — детский паралич. С тех пор сведения о ней в городе поступали только от Блю Уотерса, старшего скотовода, который каждую субботу являлся в «Белый лебедь» пить пиво. Кое-что можно было узнать и от городского врача Даулинга, от ухаживавших за Джози медицинских сестер, наконец, от телефонистки, которая внимательно слушала каждый разговор из «Риверсайда». У всех сложилось убеждение, что болезнь смертельна и Джози не выжить. В городе все выражали сожаление семье Айров, все понимали, что эта богатая девочка по ту

сторону реки мучительно борется за свою жизнь и что, право же, неважно теперь, умрет ли она в хижине или в роскошном поместье.

Сначала доктора Даулинга вызывали к Джози ежедневно, часто по ночам. Потом смотреть больную прилетели специалисты — врачи из большого города, оттуда же приехали две сестры. Моя мать, как и всякая другая мать в городе, болела душой за девочку, но вдруг начинала беспокоиться о том, как бы и я с Томом не подхватил эту страшную болезнь. Отец успокаивал ее:

— Это все равно, как если бы Джози жила за тысячу миль отсюда. У Айров нет никаких контактов с жителями Сент-Хэлен. Так что не тревожься, Ханна.

— Да, богач ли, или бедный,— вздыхала мать,— но это ужасно, когда такое горе сваливается на семью. Болезнь сделает ее калекой, если не убьет совсем.

— Возможно...— согласился отец и поглядел на Тома и меня: у него уже было готово очередное моральное назидание.— Я знаю,— продолжал он,— что Джози воспитывалась как типичная маленькая мисс, дочь богача. Но, сколько я помню ее характер, она не сдастся так легко. Она будет бороться.

И Джози действительно не сдавалась, она боролась — и выжила. Но прошло еще почти полгода, пока в городе узнали, в каком состоянии она вернулась в жизнь. Она избежала смертельных разрушений мозга и серьезных повреждений, но одна нога была парализована, начиная от бедра, в другой сохранилась все же какая-то подвижность выше колена. Одна трагедия породила другую.

Через год мы стали видеть Джози чаще. Она снова приезжала в город, устроившись на переднем сиденье пикапа или «мармона», но никто не видел, чтобы она покидала машину,— она ни за что не позволила бы кому-либо увидеть ее мертвые, бесполезные ноги. Говорили, что дома она лечится новейшими лекарствами и специальной гимнастикой.

Так или иначе, но и теперь тринадцатилетняя Джози, сидевшая в машине, выпрямившись и не глядя по сторонам, оставалась в наших глазах все той же маленькой мисс.

Однажды в субботу, увидев ее в машине, я спросил:

— Как поживаешь, Джози?

— Очень хорошо, спасибо Кит,— ответила она спокойно, но так, словно предлагала мне не задавать больше вопросов.

У нее почти не было знакомых среди городских школьников-однолеток, кроме нескольких девочек, которых приглашали иногда навещать ее. Это были дочери врачей (но не Дорис Даулинг), землевладельцев, адвоката Страппа, а также члена парламента от нашего округа. Иногда туда звали и мою сестру Джинни.

От них мы узнавали, что Джози делает попытки снова ездить верхом. Она с младенчества привыкла к седлу, и теперь отец и дочь вместе с ее хорошенькой, столичного обличья матерью иногда появлялись верхами на речном берегу. Но верховая езда — это прежде всего равновесие, прочный охват ногами лошадиного корпуса; Джози нельзя было отпускать одну и вовсе уж опасно позволять ездить рысью. Передавали, однако, что она пускала лошадь даже в галоп, цепко держась руками за седло, а отцу и матери или кому-нибудь из овцеводов приходилось догонять и останавливать ее. Это приводило Джози в ярость, она начинала громко плакать и жаловаться на то, что ей все мешают. Так продолжалось до тех пор, пока она не упала однажды с лошади и сильно ушиблась.

Случилось это примерно тогда, когда у Скотти пропал Тэфф, но я сомневаюсь, чтобы об этом происшествии могли что-нибудь знать в семье Айров. На ближайшие два месяца Эллисон запретил Джози ездить верхом, хотя, конечно, видел, какое большое огорчение это ей приносит и как она несчастна со своей неподвижностью. И Эллисон решил искать другой выход для Джози. На одном из наших частных самолетов он слетал в большой город, и через месяц на станцию прибыл чудесный маленький двухколесный экипаж. Мы знали, что это для Джози, но всякого, кто разглядывал его, поражали вид экипажа и миниатюрные размеры.

И снова не кто иной, как Блю Уотерс, подробно рассказал обо всем в субботу. Он объяснил, что экипаж нарочно построен таким низким: чем ниже центр тяжести, тем труднее ему опрокинуться. По той же причине он был так широк, а колеса маленькие, легкие, но из крепкой стали, с толстыми резиновыми шинами. Полированные оси колес могли двигаться вверх и вниз, как у двуколки на бегах, и сами выравнивались в горизонтальном положении, что предохраняло от толчков на неровной дороге.

Внутренняя обивка коляски была великолепна — атласная, на волосе. Два сиденья представляли собой вращающиеся кресла, что помогало седоку чувствовать себя устойчиво. Были еще убирающиеся складные ступеньки, которые Джози с помощью рычага могла приводить в действие. Да, это был изумительный, талантливо сконструированный экипаж. Он был окрашен в желтый цвет, чтобы его всегда могли видеть издалека.

Теперь нужен был только пони, которого можно было бы запрягать в экипаж. Эллисон Айр послал Блю Уотерса с помощниками отловить трех или четырех диких пони из валлийского табуна и привести Джози на выбор. А потом приручить отобранного и приспособить его ходить в упряжке. Заарканить даже одного из этих ходивших на воле дикарей было делом нелегким. У нас говорили, что поймать можно только того валлийского пони, который сам захочет этого, а тот, с которым это никак не удается, видно, решил лучше погибнуть, чем даться в руки. Почти всегда пони держались вместе, порой табун забирался в глубь зарослей, в болота, и требовалось много труда даже у верховых табунщиков добраться туда и выманить пони на равнину.

На этот раз Блю Уотерсу и другим тоже пришлось немало потрудиться. Было начало зимы, когда пони особенно пугливы и норовисты. Но все-таки удалось отловить четырех валлийцев и доставить их на ферму. Джози вывезли в ее кресле на колесах, и она стала разглядывать пленников. Блю Уотерс не удержался и спросил хозяина: не проще ли было взять уже прирученного пони у одного из скотоводов?

— Нет,— ответил Айр.— Джози требует, чтобы все делалось с самого начала. Ей нужен пони, который будет делать все, что она ему прикажет, когда он будет ходить в упряжке. Хотя я не знаю в точности, чего еще она может потребовать. И потом, это специальная коляска, значит, нужен пони, привыкший к ней. Пусть уж Джози делает так, как ей хочется.

— Хорошо, хорошо,— поспешно сказал Блю, а потом подробно доложил обо всем приятелям в «Белом лебеде» — любой рассказ об Айрах считался теперь лучшей закуской к пиву. Блю очень навострился в этом деле и выдавал подробности постепенно, в зависимости от числа предлагаемых ему слушателями кружек пива. Сам Блю был ростом всего в пять футов два дюйма, но кривые его ноги могли свободно обнять бочку в баррель. В городе говорили, что за каждый субботний вечер он теряет два дюйма в росте, ибо давление выпитого пива делает его ноги еще более кривыми.

Все отловленные Блю валлийские пони были из хозяйства Айра, и все одинаковы цветом и ростом, так что и выбирать-то нечего. Блю собрал всех четырех во дворе, и Джози приказала гонять их по кругу.

— Быстрее! Ну быстрее же! — нетерпеливо кричала она.

Блю стал подбадривать лошадок бичом, предназначенным для бычков, но Джози воспротивилась.

— Гони их сам! Беги за ними! — распорядилась она.

Блю безуспешно пытался проделать эти маневры пешим порядком, но тут же получил приказание погнаться за одним из пони и отделить его от других. Есть все-таки разница между лошадью и человеком: намеченный пони легко выходил победителем в состязании с запыхавшимся Блю и тут же присоединялся к своим. Блю старался вовсю, и наконец желанный пони оказался перед ним один. Опустив голову, он пятился назад с весьма угрожающим видом.

Но тут вмешался Эллисон Айр и сказал Джози:

— Тебе ведь нужен пони в упряжку, а не под седло. И потом, все они одинаковые...

— Нет! Я хочу этого! Только этого! — не слушая, кричала Джози.

— Ты намучаешься с этим пони,— предупредил отец.

— Все равно. Я хочу его!

— Что ж, будь по-твоему, дорогая,— согласился Эллисон.

Пони удалось обротать, потом его отметили мазком дегтя, чтоб отличить, и отпустили к остальным.

Говорят, что, выбирая лошадь, человек инстинктивно ищет такую, которая чем-то похожа на него самого. Когда разгоряченную Джози отвезли обратно в дом, Эллисон спокойно и уверенно взял помеченного под уздцы и сам отвел в загон, где предстояло его приручать. Там он начал дразнить пони, стараясь прикинуть, каков у него нрав: горячий или спокойный, своевольный или покорный, пугливый или бесстрашный. Пони, казалось, боялся и не боялся Эллисона, но почти все время он то рысью, то галопом носился по загону, неотступно косясь при этом глазом на человека с длинным бичом в руке.

В конце концов Эллисон загнал его в угол. Когда хозяин осторожно приблизился, пони нервно зафыркал и опустил голову, словно собираясь бодаться.

— Тихо! — сказал повелительно Эллисон.— Стой смирно!

Пони упрямо отмахнулся своим длинным, спутанным, покрытым грязью хвостом.

— Тихо, тихо,— повторил Эллисон помягче.

— Поглядите на его зубы,— крикнул издали Блю.— Он, наверно, кусачий!

Эллисон шагнул еще ближе. Пони стоял спокойно, но когда рука человека протянулась к его шее, он внезапно вскинул голову, боднул хозяина, свалил его с ног и помчался по загону.

Блю рассмеялся.

— Ладно, он все-таки быстрый и умный,— сказал Эллисон, поднимаясь.— Видишь, он не обороняется копытами, а это очень хорошо. Ну-ка, привяжи его, посмотрим, как у него ноги.

Пони привели в узкий закрытый денник, спутали ноги мягкими толстыми веревками, потом позволили выйти наружу, но в загоне он стал спотыкаться, хотя Блю крепко придерживал его за веревку. Эллисон принялся тщательно ощупывать у пони ноги, плечи, грудь, открывать дрожащий, ощеренный рот.

— Рот у него достаточно мягкий,— заявил Эллисон; это означало, что пони не будет тянуть вожжу, что важно для Джози.

— Да, он совсем неплох,— подтвердил Блю.

— Все в порядке, он нас устроит,— заключил Эллисон.— Джози выбрала лошадь по себе. Немного слишком живой этот пони, зато умный и знает, чего хочет. Посмотри-ка!

Пони подбежал к высокой ограде, словно собираясь перескочить через нее. Но в следующее мгновение он остановился и отшатнулся. Все рассмеялись. Хозяин был явно доволен.

— Отведи его теперь в денник и вычисти хорошенько,— приказал он Блю.

Все четверо диких валлийцев были приведены прямо из зарослей. Они были грязны, их светлые гривы были всклокочены, косматые ноги и крепкие спины покрыты струпьями, заусенцами, приставшей прошлогодней сухой травой. Нечесаные, они выглядели еще более дикими и злобными, чем были.

Любопытно, что Скотти, когда получил Тэффа, сразу стал делать то, что надо: он не пытался мыть пони, а стал терпеливо обрабатывать его старой скребницей, которую прихватил где-то, а потом щеткой, пока ноги, грудь и спина Тэффа, как и грива и хвост, не стали гладкими и чистыми, волосок к волоску. Тэфф вообще сделался одной из самых красивых верховых лошадей в городе, и Скотти очень гордился этим.

Глава V

Мы не видели, как приручали пони для Джози, но многое узнавали об этом от Блю Уотерса и других скотоводов.

Бо (по-французски «красивый», так назвала своего пони Джози) не обнаруживал ни малейшего желания добровольно становиться в оглобли. Джози даже объявила однажды, что возьмет курс обучения Бо на себя, но это было невозможно. И ей оставалось только одно: ежедневно на заре, когда коровы громко мычат на росистых лугах, подъезжать к загону, где шли занятия. Она являлась вместе со своей шотландской овчаркой Максом и тут же заводила разговор с диким, беспокойным Бо. Когда Блю предлагал ей самой угостить пони морковкой, Джози решительно отказывалась.

— Я не желаю его портить,— высокомерно заявляла она.

Девочка была сама не в малой степени испорчена маминым воспитанием, но, видно, вспомнила ходячую фразу о том, что «детей баловать вредно».

Не хотелось Джози пускать в дело хлыст, что было бы вернее. Она тут следовала примеру своего лохматого шотландца Макса, который умел подползать почти вплотную к Бо и все старался привить ему приличные собачьи манеры.

Вскоре маленькая хозяйка вытребовала себе право въезжать в кресле прямо в загон, чтобы Бо мог любоваться ею вблизи. Эллисон разрешил ей это, но велел Блю быть все время начеку. Он считал, что и к креслу Джози надо приучать пони постепенно.

Джози почти весь день пропадала в загоне, и родители шли на это. Блю как-то сказал, что было бы легче приучить сначала Бо к седлу, а потом уж к оглоблям. Но Джози обозлилась и в самой резкой форме заявила, что никогда не позволит никому сесть на спину Бо. Эллисон согласился и с этим.

Джози стала подъезжать в кресле к Бо все ближе. Но когда его впервые впрягли в оглобли (без повозки), Эллисон поспешно вывез дочь из загона. Бо принялся носиться как очумелый, стараясь освободиться от волочащихся за ним непонятных палок и затоптать их в землю.

— Он их сломает. Они поранят его! — сердито восклицала Джози.

— Да нет, они мягкие,— успокаивал ее Блю.— Погнет немного, и все.

Однажды в бешеных попытках расправиться с ненавистными оглоблями Бо угодил с размаху головой между двумя перекладинами ограды загона. Он чутьем понял, что рваться вперед — значит изувечить себя. Джози, беспомощно следившая за ним из кресла, истерически звала Блю, который как на грех куда-то отлучился, и Бо пришлось довольно долго оставаться в западне. Он вдруг перестал дрожать, дергаться и притих. Джози уловила эту перемену, подъехала вплотную к ограде и стала гладить пони по шее и почесывать челку. И, хотя Бо настороженно косил на нее диким глазом, прибежавший Блю понял, что теперь дело пойдет на лад легче.

— Подожди,— решительно остановила Джози Блю,— не трогай его!

Она продолжала говорить Бо всякие назидательные слова, гладить и похлопывать его по шее. Тут Бо снова стал заметно нервничать.

— Не слишком-то доверяйте ему,— предостерегал Блю.— Не то он укусит вас.

Едва он это сказал, как зубы у Бо щелкнули, как у злой собаки. Но Джози опередила его и отдернула руку.

— Это глупо! — крикнула она возмущенно.

Бо скривил губы, и Блю решил, что лошадь насмехается над хозяйкой.

— Возьмите да отхлестайте его,— предложил он.

— Нет. Пускай себе кусает,— мрачно глядя на Бо, проговорила Джози и принялась снова оглаживать его. Бо потерпел некоторое время, потом снова оскалил зубы, и Джози опять, уже в последнее мгновение, убрала руку.

— Хватит,— тревожно сказал Блю.— Еще раз — и он добьется своего.

Но Джози не желала подчиниться. Она словно изучала Бо, а тот присматривался к ней и, видимо, решил наконец, что ему делать: он изловчился и цапнул ее за другую руку. Правда, это было не настоящим укусом, а что-то вроде щипка, как делают иногда домашние кошки. При желании это даже можно было принять за знак уважения.

— Да он и не укусил вовсе,— защищалась смущенная Джози, когда Блю сообщил об этом хозяину.— Нет, нет, не укусил!

Дальше все уже было делом времени. Стало, кстати, ясно, что Бо пугает кресло Джози. Другое дело, если бы она могла подходить к нему на собственных ногах! А ей так жадно хотелось вертеться вокруг Бо, прибегать к нему и убегать с той легкостью, какую дарит человеку пара здоровых ног!

Однажды Блю силой заставил пони открыть рот и сунул ему руку для укуса. Пони сопротивлялся, но уже не очень серьезно. Джози тоже загорелось проделать этот опыт. Но когда она протянула руку, Бо просто вздернул голову, и она не могла к нему дотянуться со своего низкого кресла. Джози обозлилась и расплакалась от обиды.

В общем, Джози не терпела ничьих возражений и упрямо, своим путем добивалась дружбы с Бо. По субботам Блю рассказывал собутыльникам, что у Бо постепенно смягчается его дикий норов, но что он все еще недоволен маленькой хозяйкой и тянет морду вниз, словно собирается достать ее и укусить в лицо.

На последнем этапе обучения Бо стали запрягать в оглобли обыкновенного фургона, опасаясь, конечно, за целость экипажа Джози. Но Эллисону не хотелось превращать Бо в простую рабочую лошадь, и он велел кузнецу обрезать фургон до высоты желтого экипажа и приделать такие же маленькие колеса и длинные оглобли. Бо запрягли в эту новую конструкцию, и Блю сел за вожжи.

Но все было тщетно. Бо не двигался с места.

— Только не смей его подстегивать! — предупредила Джози.

Блю подергал вожжами, стал раскачивать фургон — пони продолжал стоять как вкопанный. Джози сидела в кресле и ядовито издевалась над Блю. Ее забавляло нежелание Бо трудиться.

— Ну, давай же, Бо,— крикнула она наконец.— Вперед, Бо!

Бо оглянулся и снова застыл на месте.

— Это плохой способ, Джози,— позволять лошади решать,— сказал ей отец.— Решать должна ты, а не Бо.

Он взял из фургона бич и хлестнул Бо несколько раз по бокам. Бо в ярости взвился на дыбы, пустился галопом по грязной дороге и проскакал так больше ста ярдов. Потом, невзирая на то, что Блю сильно натянул вожжи, пони свернул с дороги на песчаную обочину и помчался через выгон.

— Не сдерживай его,— кричала вслед Джози,— не рви ему рот!

Блю не старался особенно сдерживать Бо. Он висел на вожжах и только ругал пони на своем особом скотоводческом диалекте, когда подскакивал и мотался из стороны в сторону на рытвинах. Бо в этой скачке подвел мягкий рот: пони весь в поту продолжал свой отчаянный бег, но не мог по-настоящему закусить удила. Блю удалось поворотить фургон обратно на дорогу.

У Бо слегка кровоточили губы, когда он снова очутился в загоне. Блю собирался все-таки подвергнуть его экзекуции, но снова раскричалась возмущенная Джози: можно ли так жестоко обращаться с животным!

Блю с трудом сдержался и только сказал:

— Раз он уже в оглоблях, нельзя ему уступать ни на волос. Иначе лучше отправить его обратно в заросли, к сородичам.

Пони приучали бежать ровной, легкой рысцой, иначе он не годился бы работать в упряжке. Овчарке Максу было разрешено бежать рядом с Бо, и каждый раз, когда тот сбивался в галоп, Макс начинал лаять на него, как на отбившуюся овцу, и кидаться на передние ноги Бо. И тот возвращался на заданный аллюр. У Бо с Максом наметилось неплохое разделение труда.

Есть переломный момент в приручении дикой лошади, когда она перестает сопротивляться и начинает приноравливаться к тому, чего от нее требуют. Этого ждали и от Бо. Джози жадно смотрела, как ровно бежит он по дороге, и кричала Блю:

— Он стал совсем другим. Говорю тебе. Возьми меня с собой в фургон, Блю!

Однажды Блю решил, что у Бо началось это таинственное приспособление и что пони окончательно забыл о вольных днях в зарослях. Он доложил об этом Эллисону и сказал, что можно бы прокатить и Джози.

— Правда, в нем еще много спрятано всяких сюрпризов,— говорил Эллисону Блю, когда они ехали вместе в фургоне.— Он уже не такой злой и пугливый, но вроде все выжидает удобного случая.

Впрочем, рука у Эллисона была достаточно твердой, чтобы пони мог решиться выкинуть какую-либо непотребность. Бо мирно, слушаясь вожжей, рысил взад и вперед по дороге, как старый батрак, привыкший подчиняться хозяину.

— Да-а-а,— протянул раздумчиво Эллисон, останавливая фургон. Он, конечно, знал, что Бо далеко еще не так послушен, как кажется.— Что ж, давай теперь ты,— обратился он к дочери.

Джози подъехала к фургону, Блю поднял ее и посадил рядом с Эллисоном. Она без церемоний выхватила из его рук вожжи и, прежде чем он успел что-нибудь сказать, крикнула:

— Вперед, Бо! Вперед!

Бо послушно пошел той же легкой рысью. Но Джози не терпелось ехать быстрее.

— Не гони его. Будь осторожна,— сказал отец.

Все шло хорошо, пока они не поравнялись с деревьями у поворота дороги. Едва они обогнули угол, как навстречу им показался «крейслер» миссис Айр, возвращавшейся от соседей. Увидев машину, Бо, несмотря на то, что вожжи требовали свернуть влево, доверчиво побежал прямо навстречу «крейслеру». Он проскочил мимо машины буквально в нескольких дюймах. Эллисон схватил вожжи и натянул их так, что Бо чуть не сел на задние ноги и остановился.

— Что за маленький звереныш! — воскликнула напуганная миссис Айр.

— Ты сама напугала его, мама,— сердито возразила Джози.

— Но ведь это очень опасно...— возмущалась мать.

Эллисон сидел молча и о чем-то думал. Наконец он сказал Джози, что Бо все еще не чувствует ширины фургона, который везет, и не знает, как разминуться со встречными. Он, конечно, разберется потом, но ей надо быть очень осторожной.

— Знаю, знаю,— отмахнулась Джози, ей уже не терпелось ехать дальше.

Завершающей ступенькой в образовании Бо был великолепный новый экипаж Джози. Когда пони в десятый раз запрягли в него и Джози было впервые разрешено выехать самостоятельно, возникла еще одна неожиданность. Маленький экипаж оказался много легче урезанного фургона, и колеса у него были не такими жесткими из-за толстых шин. Поэтому Бо, пустившийся обычной рысцой, вдруг почувствовал, что за спиной у него меньшая тяжесть, чем обычно, и пошел более резво.

— Смотри, как он идет,— сказал Эллисон жене, глядя вслед удалявшемуся экипажу.

— Да, но девочка не успокоится, пока не свернет с дороги и не махнет прямиком через выгон,— тревожилась миссис Айр.

Эллисона это тоже слегка беспокоило.

— Я знаю, Пэт,— сказал он.— Но пусть лучше сама Джози убедится, чтó она может и чего не может.

— Только не Джози! — возразила мать.— То, чего она не может, она обязательно постарается сделать. Смотри, смотри!

Джози на полном ходу проскочила через ворота, стоявшие поперек старой дороги. Расстояния между столбами хватало, но отец учил ее придерживать Бо в таких случаях.

— Ладно, не беспокойся, я уж послежу за ней.

— Да, придется,— сказала со вздохом миссис Айр.— А то она будет обращаться со своим экипажем так, словно не едет в нем, а скачет верхом в седле.

Продолжение следует.

Перевел с английского
Л. Чернявский.

И. Шевандронова (Москва). КАТЯ И КОРАБЛЬ «САНТА МАРИЯ».

Художественная выставка «По родной стране».

ЭТА ВЕЧНАЯ ЮНОСТЬ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

Московское октябрьское утро начиналось весьма ординарно. Моросил мокрый снег. Неторопливо двигались машины. Поблескивал гололед. Зябко поеживаясь,спешили по своим делам москвичи.

На одном из вокзалов группа взволнованных людей встречала поезд. Точно в положенное по расписанию время к перрону плавно подошел экспресс. Из международного вагона, строго по протоколу, в почетном сопровождении официальных лиц на нашу землю ступила молодая дама. Она прибыла в Москву впервые. Но ее ждали задолго и тщательно готовились к встрече. С превеликими осторожностями она была препровождена в специальный лимузин, и весь путь ее до резиденции машину сопровождал почетный эскорт. Столица встречала знатную незнакомку зеленой волной светофоров.

Точно в установленный час дама вошла в величественный дом с колоннадой. Она неспешно поднялась по большой мраморной парадной лестнице. Мягкие складки накидки — симары облегали стройную фигуру молодой красавицы. Она вошла в огромный светлый зал, где должно было состояться торжество встречи. Остановилась. Приветливо поклонилась и поправила строгую прическу.

Благородное изящество отличало ее осанку. Тонкие, почти девичьи черты лица ее были необычайно живы. Природная грация и воспитание сообщали ее движениям какую-то чарующую мягкость и плавность. Взор ее глаз, миндалевидных и прикрытых тяжелыми ресницами, был ласков и доброжелателен. Она была красива. Но не той яркой, броской красотой, которая забывается так же мгновенно, как и привлекает внимание.

Судьба юной незнакомки сказочна. Пять веков тому назад в юную красавицу, кстати обладавшую незаурядным даром поэтессы и даже носившую звание «современной Сафо», был влюблен герцог Моро. И этот роман был довольно продолжителен, если принять во внимание обычную быстротечность подобных увлечений. Далее на ее пути встретился художник-волшебник, она посещала его студию, в результате этих встреч она как бы родилась вновь, чтобы жить вечно. И вот тут-то началась ее вторая, более значительная и весьма долгая по времени судьба.

Десятки самых могущественных, богатых и знатных людей Европы мечтали владеть ею. Нет числа всем тем ухищрениям, хитросплетениям и интригам, которые сопровождали ее жизнь. Правда, она вскоре привыкла не замечать восхищенных, алчных взоров своих поклонников. Она знала цену каждому зрителю и превосходно отличала восторженность истинного ценителя прекрасного от корыстолюбивых вздохов меценатов. Ей было душно в роскошных интерьерах вельможных покоев. Ей хотелось быть ближе к людям, видеть мир.

Наконец судьба привела ее в страну, где она познакомилась с добрым и великодушным народом.

Но злой рок снова изменил течение ее жизни. Фашисты силой увели ее и бросили в темницу. Казалось, гибель ее неотвратима. Однако фашисты были разгромлены, и ее спасли. Ей посчастливилось увидеть конец главарей, мечтавших поработить мир и уничтожить прекрасное.

И, наконец, волшебная судьба вернула ее людям и народу. Она вернулась в полюбившийся ей город, на свою вторую родину, и стала вполне счастлива. Ведь каждый день к ней приходили сотни, тысячи людей, простых, симпатичных, открытых, и она с радостью отдавала им свою красоту.

И вот сегодня еще новая, прекрасная страница внесена в летопись легендарной жизни прекрасной дамы. Она посетила столицу друзей, помогших своими ратными подвигами ее спасению и освобождению. Она в Москве!..

Мерно, неспешно подошла юная женщина к темно-малиновой бархатной драпировке, обрамляющей парадные врата. Еще мгновение — и, обведя взором собравшихся, она с легкой улыбкой приветливо поклонилась людям. Затем, грациозно поправив складки платья и приласкав прикорнувшего маленького белого зверька, она вошла в покрытую изысканным орнаментом золотую раму и стала вмиг... картиной!

Да, картиной, известным всему миру шедевром «Дамой с горностаем» из собрания Национального музея в Кракове (собрание Чарторыйских). Эту картину на выставку «Портрет в европейской живописи» нам любезно предоставили наши польские друзья.

«Дама с горностаем». Жемчужина выставки в Музее изобразительных искусств.

Кто же эта юная дама?

Это бессмертная семнадцатилетняя Чечилия Галлерани, рожденная великим Леонардо да Винчи. Почти пять веков тому назад в славном городе Милане. Это ее обожал грозный Лодовико Моро, герцог миланский. Это ее покупали и перепродавали вельможные коллекционеры. Это ее похитили из Краковского собрания гитлеровские варвары в ставшей печально известной «Операции Линц», украли для создания «музея фюрера». Но в стане бандитов нравы были соответствующие, и гаулейтер Польши Г. Франк стащил шедевр и спрятал его в тайниках своего имения в Баварии. Это Чечилия Галлерани выступила «немым» свидетелем на процессе фашистских преступников в Нюрнберге. Это она, наконец, свободная и счастливая, вернулась в Краков, в филиал Польского национального музея.

Юная Галлерани. Дочь XV века. Лукавая чаровница. Фаворитка миланского двора. Нежная и мудрая, стыдливая и фривольная, предстает она перед нами. Простая и сложная. Таинственно-привлекательная, с лицом почти статичным, она все же обладает магнетизмом необычайного, скрытого движения. Но что сообщает облику молодой дамы эту колдовскую живость?

Улыбка. Она еле тронула уголки целомудренных губ. Притаилась в чуть-чуть припухлых девичьих ямочках у рта и, подобно зарнице, ответно блеснула в темных, расширенных зрачках, прикрытых округлыми лукообразными веками. ...Как утренняя заря сообщает природе особый трепет жизни, зажигая теплые, трепещущие краски в небе, в каплях росы, в застывших водах реки, так и улыбка юной Чечилии придает волшебную подвижность всему ее облику.

Пико делла Мирандола в своей рукописи «О достоинстве человека» писал:

«Я создал тебя существом не небесным, но и не только земным, не смертным, но и не бессмертным, чтобы ты, чуждый стеснений, сам себе сделался творцом и сам выковал окончательно свой образ. Тебе дана возможность пасть до степени животного, но также и возможность подняться до степени существа богоподобного — исключительно благодаря твоей внутренней воле... О, дивное и возвышенное назначение человека, которому дано достигнуть того, к чему он стремится, и быть тем, чем он хочет...»

В этих словах великолепно отражен сам дух Ренессанса.

Чечилия Галлерани. По мановению кудесника Леонардо она, как маленькая планета, отразила сияние жестокого и веселого, уродливого и прекрасного, неповторимого XV века.

Про это время Герцен писал: «Истинная жизнь, непризнанная, отринутая, стала предъявлять свои права; сколько ни отворачивались от нее, устремляясь в бесконечную даль, голос жизни был громок и родствен человеку; сердце и разум откликнулись на него. Вскоре к нему присоединился другой сильный голос; классический мир восстал из мертвых... Движение, совершенно противоположное духу средних веков, стало заявлять свое бытие во всех областях деятельности человеческой. Стремление отречься от прошедшего во что бы то ни стало обнаружилось: захотели подышать на воле, пожить». «Humanitas, humaniora раздавалось со всех сторон, и человек чувствовал, что в этих словах, взятых от земли, звучат vivere memento, идущие на замену memento mori, что ими он новыми узами соединяется с природой; humanitas напоминало не то, что люди сделаются землей, а то, что они вышли из земли, и им было радостно найти ее под ногами, стоять на ней...»

Вглядитесь пристальней в тонкие, одухотворенные черты «Дамы с горностаем», в ее осанку, полную достоинства, в ее строгую, но изящную одежду, и перед вами мгновенно предстанет Ренессанс с его великолепными творениями гениальных мастеров искусств и чудовищными и кровавыми деяниями властелинов, которые с легкостью непостижимой сочетали роли меценатов и убийц.

Словом, в какой-то миг перед вами предстанет во всем своем порою гротесковом величии Милан, двор Лодовико Моро, весь этот калейдоскоп страстей... Этот «неповторимый», по словам Стендаля, XV век...

Тонкая холеная рука Чечилии нежно поглаживает шелковистую шерстку горностая — одного из геральдических символов власти герцогов Сфорца. Маленький зверек отвечает на ласку. Вы слышите шорох и потрескивание драгоценной ткани под коготками «гале» — горностая. Кстати, обратите внимание, что «гале» образует корень имени Галлерани.

Метафора... Вот одна из основных примет портретов Леонардо. Геральдический символ рода Моро, имя его прелестной возлюбленной и живой зверек — горностай. Это сочетание самых, казалось, несовместимых слагаемых выливается в одному Леонардо да Винчи известную формулу. Он ставит перед зрителем загадку, заставляет его думать, исследовать, домысливать многозначный образ.

Метафора... Она и в пластических параллелях портрета. Посмотрите на изящный поворот головки зверька, его миловидную остроглазую мордочку и взгляните на очаровательную хозяйку «гале». Обратите внимание на коготки растопыренной лапки горностая и на движение кисти руки Чечилии. Есть что-то схожее в осторожной, кошачьей, может быть, не очень доброй ласковости этих касаний. Не является ли внезапно мысль, может быть, кощунственная, о невольном, а может быть, не о невольном сходстве молодой женщины и маленького хищника.

Сложный, сложный, неповторимый XV век...

Леонардо любил людей и стремился видеть мир прекрасным. Прочтите эти слова, обращенные к художникам: «Обрати внимание на улицах, под вечер, на лица мужчин и женщин. Какая прелесть и нежность видна в них».

«Дама с горностаем» — шедевр мирового искусства, гордость краковской коллекции — недавно была в Москве. Сотни тысяч зрителей непрекращающимся потоком проходили через центральный зал Музея изобразительных искусств, любуясь прелестью и нежностью образа, созданного Леонардо да Винчи.

Пять веков прошло с той поры, как тридцатилетний Леонардо написал портрет Чечилии, но сегодня, как никогда, миллионы зрителей видят в этом шедевре неумирающую поэтическую силу вечной юности искусства.

Леонардо да Винчи. 1452—1519.
ПОРТРЕТ ДАМЫ С ГОРНОСТАЕМ. Около 1483.

Национальный музей. Краков.

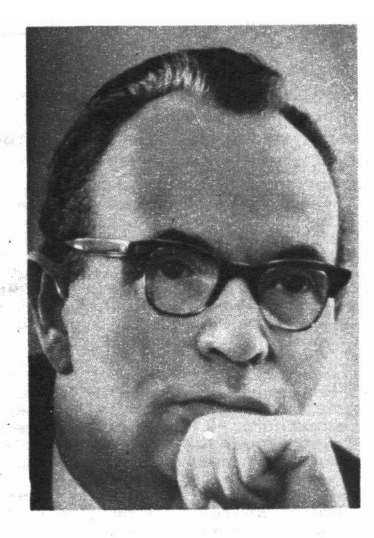
МАСТЕР СЛОВА

Выдающемуся мастеру слова, прекрасному украинскому писателю Натану Самойловичу Рыбаку исполнилось шестьдесят лет. Он родился на Черкасщине, в селе Ивановке, 3 января 1913 года, получил специальное образование — окончил Киевский химико-технологический институт — и начал свою литературную деятельность сборниками новелл и стихов.

Он прошел большой, многообразный жизненный путь, активно участвовал в Великой Отечественной войне, о которой писал много и хорошо.

В его довоенных книгах были картины современности и образы строителей нового, социалистического общества, но и тогда уже копил в нем силы большой талант мастера исторической прозы. Много позже он скажет про то, что он чувствовал как главное в воскрешении этого богатейшего возможностями и ответственнейшего жанра: «Главной особенностью советского исторического романа является то, что в нем историческая правда становилась правдой художественной».

И вот вслед за романом о победе революции на Украине, вслед за сборниками рассказов появляется историко-биографический роман «Ошибка Оноре де Бальзака». Автор смело вступает в эпоху, которую надо приблизить к сегодняшнему дню, воскресить картины давно прошедших лет, а главное, показать всемирно известного автора «Человеческой комедии» Оноре де Бальзака в последние годы его жизни и творчества, в период

его мучительных переживаний, драму его неисполнившейся мечты, обернувшейся тяжкой иллюзией. То, что все это происходило на Украине, сообщило роману документальную подлинность, а картины эпохи стали той «художественной правдой», о которой так заботился Натан Рыбак.

Погрузившись снова в богатейший материал исторического прошлого, он поднимает свой талант на новую ступень современности. Он создает роман «Переяславская Рада», многосложный, со многими народными характерами, живописными трагическими сценами.

Роман ответственный, потому что в нем речь идет о таком историческом периоде, как героическая борьба украинского народа за свое освобождение в 1648—1654 годах, за воссоединение Украины с Россией. И упорный труд автора, знатока совершающихся событий, увенчался большим успехом. Созданный им образ народного вождя, полководца Богдана Хмельницкого предстал на страницах эпопеи полным жизненной силы и исторической правды.

Этот яркий роман всей своей художественной сутью раскрывал истинный смысл совершающегося, и его острые и красочные страницы, воскрешая прошлое в его настоящем виде, свидетельствовали против всяких попыток зарубежных борзописцев исказить истину.

В таланте Натана Рыбака всегда присутствовала публицистическая жилка, и она особенно сыграла роль в дальнейшей деятельности романиста в другие, близкие нам времена.

Будучи членом КПСС, активным общественным деятелем, он в свое время встал в ряды борцов за мир. Натан Рыбак — заместитель председателя Украинского республиканского комитета защиты мира. Он участник многих международных конференций, форумов, встреч за рубежом. Он страстный поборник мира, и в самых далеких странах у него много друзей, которые слушали его взволнованное, высокое слово.

Оглядывая пытливым глазом писателя — борца за мир огромный простор планеты, раздираемой противоречиями, верный призыву основателя движения Фредерика Жолио-Кюри, уверенно провозгласившего: «Мы выражаем свою готовность и решимость выиграть битву за мир — битву за жизнь!» — Натан Рыбак, собрав обширный материал, приступает к созданию большой эпопеи «Пора надежд и свершений», посвященной ученым-атомникам, борьбе за мирный атом, против врагов мира, подготовляющих новую, термоядерную войну, угрожая всему человечеству.

За этот труд, столь важный по своему значению именно в наши годы, Советский комитет защиты мира наградил автора почетной золотой медалью «Борец за мир».

В этом романе-эпопее, написанном рукой искусного, опытного мастера, представлена подробная картина создания атомниками — эмигрантами из Европы в США первой атомной бомбы и трагическая катастрофа ее ненужного применения. Трагедия ученых, изобретших бомбу, раскрыта автором с разоблачающей яркостью.

В смене событий Натан Рыбак показывает и ученых Советского Союза на Украине, где группа советских физиков самоотверженно работает над получением мирного атома. Таким образом, перед читателем проходит борьба двух идеологий, борьба двух миров. Но эпопея Натана Рыбака не была бы полной, если бы он не вовлек в нее множество простых людей, брошенных силой событий и в котел войны и в мир работы темных сил, работающих на заокеанских «хозяев».

Мы видим в романе участников трагических военных лет — от вождей народов, от высоких мужей науки до простого партизана или крестьянина. В этом размахе большая правда эпохи, которая двигала миллионами и подымала в человеке самые глубокие чувства...

Натан Рыбак принадлежит к пионерам в этой сложной и ответственной области. Недаром его роман, как и предыдущие, переведен на многие языки мира.

Успех Натана Рыбака в том, что он соединил в своем романе самый научный, глубоко изученный им материал с материалом большого жизненного опыта, убедительно доказывая, что мирный атом должен завоевать планету, должен войти в жизнь широко и благодетельно для людей труда и мира.

Великолепный мастер острых психологических сцен, показа сложных человеческих характеров и одновременно лирических движений и светлой человеческой любви, Натан Рыбак сегодня предстает перед нами в полной силе современного, сюжетного, романтического писателя, который готов продлить свой творческий подвиг, поставив свой талант на службу мирному, свободному человечеству.

Можно только пожелать ему здоровья, новых выдающихся достижений, неутомимой творческой энергии, нового взлета вдохновенного воображения!

Николай ТИХОНОВ

ПЕНТАГОН И ДОЛЛАР

«Не знамя, а долларовая ассигнация шелестит над американскими дивизиями, над отрядами гангстеров в зеленых беретах и во Вьетнаме и повсюду, где они сражаются за неправое дело», — пишет известный публицист-международник Александр Кривицкий в своей новой книге. Под зловещий шелест долларовых ассигнаций американская военщина творит сегодня чудовищные злодеяния на многострадальной земле Вьетнама, а планируют эти преступления руководители Пентагона, посаженные туда главными владельцами доллара — крупнейшими корпорациями. Александр Кривицкий раскрывает механику военно-промышленного комплекса США, обнажает закулисные пружины, связывающие воедино большой бизнес, военщину и политику. Его разоблачения особенно убедительны потому, что сделаны они в острой сатирической форме и опираются на богатейший фактический материал.

Один за другим перед читателями проходят несколько хозяев Пентагона. Это мастерски сделанные портреты без ретуши. Помните печальный «план Маршалла»? Это он, Джордж Маршалл, был в свое время во главе Пентагона, и автор на его примере показывает, как уже тогда отрабатывался механизм гигантской военной машины, поставленной на службу Уолл-стриту. Другие портреты — Кларк Клиффорд, министр обороны при президенте Джонсоне, Мэлвин Лэйрд, занявший это кресло при президенте Никсоне. Каждому из них в книге посвящено немало страниц, написанных блестящим публицистическим пером.

В нашей современной публицистике есть книги о Соединенных Штатах, сделанные со знанием предмета, уверенным профессиональным почерком. В книге же Кривицкого подкупает, кроме того, большая эрудиция автора: всегда к месту приведенные исторические параллели, частое обращение к литературным образам. Вот почему написанное на титульном листе слово «Памфлеты» (редкий, очень редкий в его чистом виде жанр в нашей публицистике!) не притянуто в данном случае за уши, а полностью соответствует действительности. В книге А. Кривицкого непроницаемые, казалось бы, стены Пентагона подвергаются эффективному сатирическому обстрелу, и снаряды писателя ложатся точно в цель.

В предисловии к книге Юрий Жуков справедливо называет ее «чрезвычайно важным, острым и злободневным произведением», и нет сомнения в том, что она найдет своего благодарного читателя.

В. ДМИТРИЕВ

Александр Кривицкий. Кое-что о Пентагоне. Политиздат, М. 1972.

ТРИУМФ РУССКОЙ МУЗЫКИ

/ТУРГЕНЕВ О МУСОРГСКОМ И ЧАЙКОВСКОМ/

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведческих наук

I

Нередко случалось, что от выдающегося писателя прошлых времен, хотя он прожил долгую жизнь, оставалось не только весьма небольшое, но и малосодержательное эпистолярное наследие. Тургенев принадлежал к иному кругу мастеров слова: его письма многочисленны и зачастую насыщены огромным содержанием. Что же касается писем Тургенева к Полине Виардо, то они являются первоклассным источником сведений о его духовной жизни, своеобразными дневниковыми записями, в которых писатель порой день за днем излагал содержание бесед с друзьями и знакомыми, рассказывал о творческих замыслах, сообщал о концертах, театральных представлениях и выставках...

По различным данным можно было предположить, что всех писем Тургенева к Полине Виардо существовало около пятисот. Но в завершенном в 1968 году тридцатитомном издании «И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем», где письма занимают пятнадцать книг, напечатано всего лишь около 160 писем к певице, причем некоторые из них из-за отсутствия автографов приведены в отрывках в том виде, в каком появились в печати в начале века.

Когда это издание уже вышло в свет, одна из внучек Полины Виардо передала часть ее архива, в том числе 146 писем Тургенева, в парижскую Национальную библиотеку; 76 из них ранее в печати не появлялись.

Значительную работу по выявлению во Франции неизданной переписки Тургенева проделал весьма эрудированный французский славист Александр Звигильский. В начале прошлого года он выпустил в Париже первый том подготовленного им издания «Иван Тургенев. Новая неизданная переписка», недавно вышел второй — и последний — том. Всего здесь опубликовано около 220 писем Тургенева, в том числе 113 писем к Полине Виардо, из которых только 34 ранее были известны, и то в неполном виде.

В этой статье коснусь лишь тех новонайденных писем Тургенева, где идет речь о русской музыке. Эти письма заключают сведения об отношении писателя к творчеству М. П. Мусоргского и П. И. Чайковского (на русский язык с французского письма перевел Л. Р. Ланский).

Необъятным был мир духовных интересов Тургенева. Но любовью к музыке писатель был буквально одержим — иначе, чем страстью, ее не назовешь. В этом он сам признавался: «Для меня — музыкальные наслаждения выше всех других». Беседуя с дочерью декабриста Николая Тургенева, писатель ту же свою мысль выразил таким образом: «...музыкальные впечатления я всегда ставил на первое место (в ряду впечатлений от произведений искусств) — для меня так: впечатления музыкальные, потом литературные, потом живопись». Но в жизни Тургенева литературные шедевры приковывали его внимание с такой силой, что надолго доминировали над всеми другими эстетическими наслаждениями. Именно так было, когда Тургенев впервые прочел, а затем перечитывал «Войну и мир». И едва лишь роман появился во французском переводе, Тургенев поднял весь литературный Париж, чтобы прославить это произведение.

Тургенев не понимал, как человек, считающий себя культурным, может жить без музыки. Уже после полугода пребывания в ссылке в Спасском за опубликование своей статьи о Гоголе он писал: «Чего мне особенно здесь не хватает,— это музыки». И далее: «Вот уже шесть месяцев, как я совершенно лишен ее... Никто здесь не ощущает музыкального г о л о д а, который меня терзает» (подчеркнуто Тургеневым).

В художественных произведениях, критических статьях и письмах Тургенева, а также в воспоминаниях и в дневниковых записях о нем имеется множество сведений о том, как он относился к созданиям западноевропейских композиторов и прежде всего к наиболее любимым им музыкальным гениям — Бетховену и Моцарту. Вместе с тем довольно скудны известные до сих пор высказывания писателя о русских композиторах, в частности о деятелях «могучей кучки». Что же касается свидетельства на этот счет современников, то они, эти свидетельства, порой односторонни и даже неточны.

Исходили они в основном от известного литературного и музыкального критика В. В. Стасова, сыгравшего большую и плодотворную роль в пропаганде творчества «могучей кучки». Сам Стасов с полным основанием утверждал, что во взглядах его и Тургенева по ряду принципиальных вопросов в области искусства и литературы, на многие творения выдающихся композиторов, писателей и художников существовал «постоянный антагонизм». Не будем здесь касаться причин расхождения их взглядов[1]. Скажу лишь, что уже первое знакомство Тургенева и Стасова в марте 1867 года в Петербурге на концерте Бесплатной музыкальной школы ознаменовалось резким спором о современной русской музыке. Писателю не понравились прослушанные им на этом концерте произведения Балакирева, Даргомыжского, Мусоргского (хор с оркестром «Поражение Сеннахериба»). Тургенев считал эту музыку формально несовершенной, чего он никогда не прощал. Следует иметь в виду, что те шедевры деятелей «могучей кучки», которые принесли им великую славу, в то время либо не были завершены, либо еще не были созданы.

Спустя семь лет — в мае 1874 года — Стасов пригласил Тургенева к себе, чтобы познакомить его с новыми произведениями участников этого содружества в исполнении самих композиторов. Писатель охотно откликнулся на приглашение и, отложив свой отъезд из Петербурга, пришел к Стасову, но острый приступ почечных колик, сопровождавшийся мучительной болью, лишил его возможности слушать музыку...

Вот что сказано в новонайденном письме Тургенева к Полине Виардо от 25 мая 1874 года (иронические эпитеты по адресу Стасова — отголосок их споров, которые нашли впоследствии отражение в известном тургеневском стихотворении в прозе «С кем спорить...» («Не спорь только с Владимиром Стасовым»):

«Я намерен был позавчера, в четверг, уехать в Москву и уже телеграфировал моему брату, чтобы предупредить его,— и вдруг встречаю г. Стасова, великого критика, пророка, вождя и т. п. всей новой музыкальной школы в России; он приглашает меня провести вечер в его доме, где, по его словам, в тот же день собираются все эти господа, причем и А. Рубинштейн специально приезжает из Петергофа (где он купил себе дом). Новая школа не признает его за композитора, но «допускает» как исполнителя. Я соглашаюсь отложить на день свою поездку: меня разбирало любопытство, и к тому же мысль о возможности рассказать все это Вам!

Приехал я в $7^{1}/_{2}$ часов. Вся школа уже была в сборе: гг. Кюи, Бородин, Римский-Корсаков и его жена, Мусоргский и Рубинштейн. Рубинштейн, с которым мы сердечно целуемся, расспрашивает меня о Вас (он стал очень безобразен, замечу в скобках, лицо его расплылось во всех направлениях) и затем садится за фортепиано и играет восхитительно, хотя слишком бурно, серьезные вариации Шумана[2], одну из последних сонат Бетховена, две пьесы Шопена».

---

[1] Об этом подробно говорится в моей книге «Репин и Тургенев» (1945).

[2] «Серьезных вариаций» у Шумана нет. Под таким названием имеется сочинение Мендельсона. Но «кучкисты» относились к творчеству Мендельсона резко отрицательно. Возможно, что в тот вечер Тургенев слушал «Симфонические этюды» Шумана — любимую пьесу Рубинштейна и «кучкистов».

Рассказав далее о том, как он внезапно почувствовал во время игры Рубинштейна нестерпимую боль в почках, Тургенев продолжает:

«Моя поездка отложена на три дня; в течение этих трех дней я не буду получать от Вас писем, что чрезвычайно тяжело, и не услышу собственными ушами чудес новой русской школы!..

Не знаю, каков уровень таланта или гения, которым, по словам Стасова, обладают все эти господа, но должен сказать, что они оказались очень любезными и милыми людьми».

Сообщая об этой неудавшейся встрече в своих воспоминаниях, Стасов завершил рассказ такими словами: «Нам так и не удалось показать Тургеневу новые русские оперы, симфонию, совершенно оригинальную, во всей музыке, «Детскую» Мусоргского, русскую декламацию. Другого случая со всем этим познакомить Тургенева так больше никогда и не представилось».

Подобное утверждение лишь в малой степени верно: многого, возможно, Тургенев так и не узнал из подготовленного для исполнения на вечере у Стасова, но и до того и в дальнейшем он слушал и неоднократно высоко отзывался о произведениях композиторов этого круга. И даже при том, что в конце 60-х и в самом начале 70-х годов Тургенев недооценивал творчество некоторых из них, он писал в 1872 году Стасову, что у Римского-Корсакова «есть талант положительный». Позже, в 1877 году, писатель привез в Париж переложение для фортепиано в четыре руки «Богатырской симфонии» Бородина, к которой отнесся восторженно. А за два дня до того, как из-за болезни Тургенева неудачно сложился устроенный для него музыкальный вечер у Стасова, писатель в другом петербургском доме встретился с Мусоргским, который исполнял для него свои произведения, исполняли их также знаменитые певцы — хозяева дома, где побывал тогда Тургенев. Причем он не только тепло реагировал на музыку Мусоргского — эта встреча писателя привела к признанию достижений «могучей кучки», так как он почувствовал в музыке, которую впервые услыхал тогда, большое будущее.

Состоялась эта встреча в доме прославленных оперных артистов О. А. Петрова и А. Я. Воробьевой-Петровой. Давняя дружба связывала их с Мусоргским, посвятившим певице «Колыбельную» (из цикла «Песни и пляски смерти») и Песню раскольницы Марфы из оперы «Хованщина». С артистами был знаком и Тургенев. В тот свой приезд в Петербург он по поручению Полины Виардо должен был передать Петрову один из ее романсов. Артисты позвали писателя на обед и одновременно пригласили Мусоргского. Встреча произошла спустя почти четыре месяца после премьеры «Бориса Годунова», которая состоялась 27 января 1874 года в Петербурге в Мариинском театре. Роль Варлаама исполнял О. А. Петров. В тот же день композитор подарил певцу и его жене клавираусцуг оперы с надписью: «Вам, дорогим моим и славным Анне Яковлевне и Осипу Афанасьевичу Петровым, благодарное дитя искусства Модест Мусоргский. 27 Янв. 74».

О своей встрече у Петровых с композитором Тургенев рассказал в одном из тех писем к Полине Виардо, которые оставались неизданными и лишь недавно были отысканы во Франции. Письмо отправлено из Петербурга 22 мая 1874 года.

«Сегодня я обедал у старика Петрова, которому принес Ваш романс, и он от него в восторге... Обожает он Вас, как и в прежние времена. У него дома Ваш увенчанный лаврами бюст, еще сохраняющий немалое сходство. Видел я и его жену (контральто), ей 60 лет, и ни одного зуба в верхней челюсти. И что ж! Она спела после обеда два довольно своеобразных, но трогательных романса г. Мусоргского (автора «Бориса Годунова», в его присутствии) — еще восхитительным голосом, молодого, выразительного, исполненного очарования тембра! Я остался с разинутым ртом и был растроган до слез, уверяю Вас.

Этот Мусоргский сыграл нам и — нельзя сказать, что спел, скорее прохрипел несколько отрывков из своей оперы, а также из другой, которую теперь сочиняет, и все это показалось мне характерным, интересным, честное слово! Старик Петров спел свою партию старого монаха-пропойцы и зубоскала (имя его Варлаам, загляните-ка в перевод Пушкина, сделанный [Вашим мужем] Виардо) — и спел превосходно. Я начинаю верить, что у всего этого есть будущее.

Мусоргский несколько напоминает Глинку; только нос у него совершенно красный (к сожалению, он пьет), глаза тусклые, но красивые и небольшой, плотно сжатый рот на широком лице с отвисшими щеками. Мне он понравился; держит себя очень непринужденно, и не фразер. Он сыграл нам интродукцию к своей второй опере. Это несколько в вагнеровском духе, но красиво и хватает за душу. Вперед, вперед, господа русские!!!»

Письмо это представляет большой интерес по ряду причин.

Прежде всего перед нами ценнейшее свидетельство о встрече Тургенева и Мусоргского, лишь теперь ставшее известным,— ранее о такой встрече никаких сведений не было. Кроме того, новонайденное письмо не только расширяет наши представления о музыкальных впечатлениях Тургенева в области русской музыки, но и вносит существенную поправку в широко бытовавшее до сих пор утверждение Стасова о якобы скептическом отношении писателя к композиторам «могучей кучки». И даже в наши дни можно прочитать в комментариях академического издания его писем категорически высказанное, но весьма неточное утверждение, что новаторские искания «могучей кучки» «оставались Тургеневу чужды».

Только теперь, после опубликования сообщения писателя о его встрече с Мусоргским, делается понятным, почему спустя несколько месяцев, уже находясь в Париже, Тургенев осведомился у своего петербургского приятеля: «Что поделывают Петровы? Поклонитесь им от меня. Видаете ли Вы Мусоргского?»

Из обнаруженного письма явствует, что в исполнении Мусоргского писатель тогда прослушал отрывки из «Бориса Годунова» и вступление к «Хованщине» — «Рассвет на Москве-реке». Петров, выступавший в роли Варлаама на сцене Мариинского театра, познакомил Тургенева с этим великолепным созданием Пушкина и Мусоргского.

Что же касается двух «романсов» композитора, исполненных Воробьевой для Тургенева, то, возможно, одним из них была песня «Сиротка» («Барин мой миленький, барин мой добренький»). Недавно стал известен автограф этой песни, подаренный композитором Воробьевой, а также автограф «Трепака» Мусоргского, подаренный Петрову. Обе рукописи поступили в Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, привезенные из Франции пианисткой и певицей К. А. Мозжухиной в составе архива ее мужа — выдающегося оперного артиста А. И. Мозжухина. На первом автографе три надписи композитора. Вот одна из них: «Для гениальной Анны Яковлевны Воробьевой-Петровой, без всяких знаков (на гений не посягай) состряпал Мусоргский, ему же во сне не снилось, что́ из этого скромного «Сиротки» создала Анна Яковлевна Воробьева-Петрова. Май 1874 г. Мусоргский».

Не была ли эта рукопись принесена и подарена им 22 мая того же года, когда он был приглашен к Петровым для встречи с Тургеневым, или подарена несколькими днями позже на память о том замечательном вечере?..

Незабываемое впечатление производят заключительные слова, высказанные Тургеневым в письме к Полине Виардо после встречи с Мусоргским: «Вперед, вперед, господа русские!!!» Эти слова кажутся вещими. Писатель как бы предчувствовал будущий взлет творчества отечественных композиторов.

Ведь в том огромном влиянии, какое самые выдающиеся из них оказали в начале XX века на западноевропейских композиторов, первое место принадлежит именно Мусоргскому. Вскоре после того, когда его лучшие создания стали известны за рубежом, они произвели там подлинную революцию.

Одним из тех западных композиторов, на чьем творчестве ранее всего сказалось воздействие музыки Мусоргского, был Клод Дебюсси. Еще будучи студентом Парижской консерватории, он дважды приезжал в Россию — в 1881 году, вскоре после смерти Мусоргского, и в 1882 году — и жил в летние месяцы в качестве домашнего пианиста в доме Н. Ф. фон Мекк, столь много сделавшей, чтобы П. И. Чайковский мог целиком посвятить себя музыкальному творчеству. В ее доме едва ли не ежедневно исполнялись произведения русских композиторов. И хотя музыку Мусоргского здесь совсем не жаловали (о нем, критикуя творчество «могучей кучки», Н. Ф. фон Мекк говорила: «Ну, тот уж совсем отпетый»), Дебюсси, быть может, в этом доме впервые услыхал произведения Мусоргского. К тому же клавир оперы «Борис Годунов», вышедший в 1874 году, был, возможно, в нотной библиотеке Мекк, и Дебюсси мог здесь с этим клавиром ознакомиться.

Но доподлинно известно, что Камиль Сен-Санс еще в 1876 году привез из России в Париж экземпляр клавира «Бориса Годунова». И хотя сам Сен-Санс не оценил эту оперу в должной степени, он отдал клавир музыканту-органисту Жюлю де Брайеру, который сразу заинтересовался оперой, восхитился ею и долгое время пытался внушить свое увлечение французским музыкантам. Именно Жюль де Брайер передал Дебюсси около 1889 года экземпляр «Бориса Годунова», привезенный Сен-Сансом. И уже в 1890 году Дебюсси сыграл на рояле композитору и музыкальному критику Полю Дюка первое действие «Бориса Годунова», и Дюка — по слову Джордже Энеску, «один из самых больших музыкантов всех времен» — был потрясен.

В 1893 году Дюка помещает в парижском журнале статью «Русская музыка», в которой дает восторженную оценку композиторам «могучей кучки», называя их «ядром Новой русской музыкальной школы». В статье многократно упоминается Мусоргский, о «Борисе Годунове» сказано, что это — «самое передовое выражение реформаторского идеала кружка», а «Хованщина» названа в числе партитур, доказавших новизну направления молодой школы и отличающихся «как чрезвычайно изысканным выполнением, так и исключительным новаторством приемов письма».

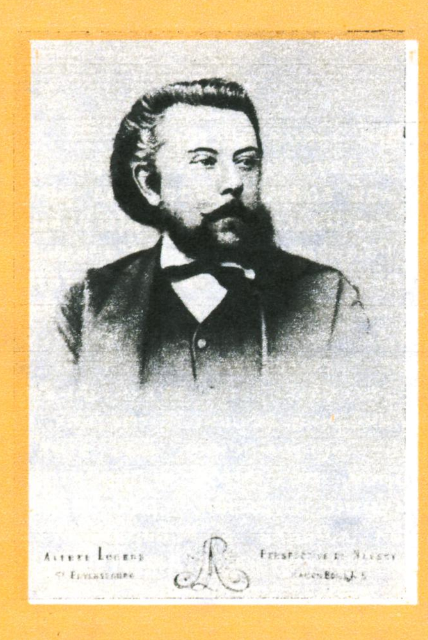
Три года спустя Дюка напечатал в том же журнале статью о «Борисе Годунове», в которой писал, что это — «произведение необычное, могучее», с восхищением отзывался о «великих страницах» оперы. Дюка знал книгу Цезаря Кюи «Музыка в России», вышедшую в Париже на французском языке в 1880 году, в которой говорилось о Мусоргском, знал книгу Пьера д'Альгейма, посвященную нашему композитору и увидевшую свет также в Париже в 1896 году. Бывая на концертах д'Альгейма, посвященных вокальным и музыкальным пьесам Мусоргского, на которых выступала выдающаяся русская камерная певица М. А. Оленина-д'Альгейм, Дюка писал, что совокупность произведений композитора «ярко освещает внутренний мир дарования гениального и стихийно непосредственного».

В 1901 году Клод Дебюсси выступает в одном из парижских журналов со статьей, озаглавленной «Детская», слова и музыка М. Мусоргского», которая начинается так: «Этим названием обозначена сюита из семи песен, каждая из которых представляет собой детскую сценку и каждая — шедевр». Говоря о непродолжительности жизни композитора, Дебюсси делает вывод: «Времени для проявления гениальности было в обрез». И далее: «Никто не обращался к лучшему, что у нас есть, с большей нежностью и большей глубиной. Он неповторим и останется неповторимым благодаря своему искусству без надуманных приемов, без иссушающих правил. Никогда еще столь утонченное восприятие не воплощалось столь простыми средствами выражения!»

А через два года Дебюсси публикует в другом парижском журнале статью «Музыкальный итог 1903 года», в которой имеются такие строки: «Ну... а русская душа! Разве она заключена только в Толстом, Достоевском, Горьком? Можно ли забывать о музыкантах значения Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова, театральное творчество которых, нам вовсе не известное, содержит в себе звучащее и тем самым приподнятое выражение русской души, вызывающей теперь нашу зависть».

Велика была любовь к творчеству Мусоргского и другого выдающегося французского композитора — Мориса Равеля.

Неизгладимое впечатление произвели на него «Исторические концерты русской музыки», организованные С. П. Дягилевым в мае 1907 года в Париже. Здесь в течение пяти вечеров исполнялись симфонические и оперные шедевры русских композиторов, в том числе Мусоргского. И до конца своих дней Равель не уставал выражать восторги по поводу «Бориса Годунова». Он присутствовал 19 мая 1908 года в «Гранд

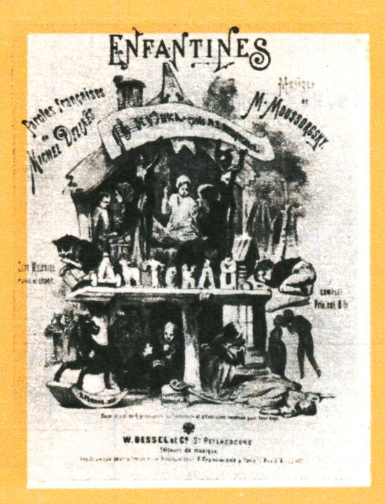
М. П. МУСОРГСКИЙ

Фотография с дарственной надписью И. Е. Репину: «Илье Ефимовичу Репину. Вот я каков был с первой репетиции «Бориса». Здравствуйте, лихой коренник. Мусоргский. 9 марта 74 г. Петроград».

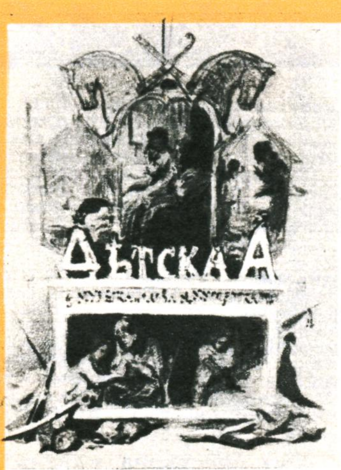
Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи.

Воспроизводится впервые.

Получив эту фотографию при содействии В. В. Стасова, художник писал ему из Парижа 27 марта 1874 года: «За портрет Модеста Петровича я еще не благодарил Вас и его, жму крепко его богатырскую руку. Портрет очень похож...»

Обложка И. Е. Репина к первому изданию «Детской» М. П. Мусоргского (выпущено В. В. Бесселем. Петербург, 1872).

Первоначальный эскиз обложки И. Е. Репина к «Детской» М. П. Мусоргского, 1872.

Собрание знаменитого болгарского певца Бориса Христова, Милан.

Воспроизводится впервые.

Опера» на премьере «Бориса Годунова», показанного на открытии «Русского сезона» тем же Дягилевым с Ф. И. Шаляпиным в главной роли. А спустя несколько дней, имея в виду влияние Мусоргского на творчество Дебюсси, Равель писал своей корреспондентке: «Дебюсси сказал вчера одному человеку, который собирался в Оперу на «Бориса»: «Идите, послушайте, в нем весь «Пеллеас» (имеется в виду опера Дебюсси «Пеллеас и Мелисанда»).

А когда в 1913 году в том же Париже Дягилев вновь показал «Бориса Годунова», Равель напечатал статью, полную восторгов по поводу обеих постановок. Начиналась статья так: «Блестящее возобновление «Бориса Годунова» заставило меня снова пережить... лихорадочные, боевые минуты 1908 года... Спектакль обернулся триумфом. Публика восхищалась решительно всем». И далее, считая тогдашнюю инициативу Дягилева «героическим временем», Равель продолжал: «Произведение Мусоргского не утратило ничего из своего великолепия, но оно уже не принадлежит нам: прежде даже, чем мы узнали редакцию самого автора, оно внесено в разряд шедевров. Ему не хватало одобрительного закрепления: испытания временем. Теперь оно состоялось».

Подлинной школой для Равеля стала его работа над творениями Мусоргского. В заключительной части цитированной выше статьи о «Борисе Годунове» Равель спрашивал: «Когда же мы, наконец, увидим гениальное и несчастное произведение представленным в форме более близкой к его первоначальной редакции?» Равель настолько досконально знал эту оперу, что в своей статье называл те сцены и роли, которые в сценических постановках уже давно отсутствовали, а по поводу одного грубого нарушения авторского замысла с возмущением писал: «Почему, наконец, продолжать путем перестановки двух последних актов губить смысл театрального представления, его главное действующее лицо — народную толпу?»

Когда Дягилев решил показать Парижу «Хованщину», то поручил Равелю и И. Ф. Стравинскому приблизить партитуру оперы к авторской редакции, которая в свое время также подверглась переработке; к тому же Мусоргский не успел завершить свое произведение. Наконец в 1922 году Равель инструментовал фортепианный цикл Мусоргского «Картинки с выставки». И эта партитура, изданная в 1927 году, получила мировое признание.

В одной из московских газет 1910 года было напечатано интервью с Равелем. Вряд ли ошибусь, если скажу, что оно осталось неизвестным не только зарубежным, но и нашим музыковедам. Между тем это интервью любопытно. Вот, например, что ответил Равель, когда журналист его спросил, знаком ли он с сочинениями русских композиторов.

«Еще бы! Мои любимые авторы: Мусоргский, Римский-Корсаков и Бородин. Я могу с уверенностью сказать, что знаю почти все их сочинения. Что же касается Мусоргского, то я изучил как оригинальный клавир «Бориса Годунова», так и в редакции Римского-Корсакова. И надобно заметить, что Корсаков многое изменил в оригинале, что можно было бы оставить. Он держался слишком узкой, теоретической точки зрения».

А спустя несколько месяцев — в начале 1911 года — в парижской газете появилось интервью с Дебюсси, озаглавленное «Русская музыка и французские композиторы». По словам журналиста, Дебюсси так оценил приезд русских артистов в Париж:

«Это же очень хорошо! Русская музыка интересует меня в высшей степени. Мусоргский чудесен своей независимостью, своей искренностью, своим очарованием. Он некий бог музыки.

Эти русские удивительны! В прошлом году один молодой человек [Игорь Стравинский] сочинил для своего дебюта балет «Жар-птица», который был представлен в Париже. И вот эта первая работа оказалась чем-то очаровательно оригинальным.

Русские дадут нам новые импульсы для освобождения от нелепой скованности. Они помогут нам лучше узнать самих себя и более свободно к себе прислушиваться».

Итак, «богом музыки» стал Мусоргский даже для тех выдающихся композиторов Франции конца XIX — начала XX века, которые возглавили у себя на родине целые направления, к тому же наиболее прогрессивные. Весьма значительным было влияние Мусоргского и на других первоклассных музыкантов мира. Отметая появлявшиеся в печати по адресу Мусоргского упреки в неопытности, Равель писал: «Будущее оправдало его. Смелыми уроками этого «неумелого» композитора воспользовались многие из новейших авторов, которых никто не думает укорять в неумелости».

Таковы лишь отдельные примеры того, какое воздействие оказала музыка Мусоргского на композиторов, творивших после его кончины, какое значение она заняла в дальнейшем развитии оперного и симфонического искусства. Творчество великого русского композитора стало недосягаемым образцом для лучших создателей музыки нашего века.

Современные икары

В последнее время многие англичане увлекаются полетами на воздушных змеях. В Англии по этому поводу теперь часто шутят, что это увлечение вызвано особенностями географического расположения страны: окруженные со всех сторон водой, жители Британских островов стремятся вырваться за пределы своей территории.

Учитывая возросший интерес к подобным полетам, в городе Сесли были организованы состязания последователей Икара. Чтобы стать победителем, нужно было пролететь расстояние по крайней мере в 50 ярдов (1 ярд — около 91 сантиметра).

На старт вышли 18 человек. Один за другим они прыгали с высокого моста и затем парили в воздухе, подгоняемые ветром. Однако приз так никому и не достался. Несмотря на все старания участников состязаний, никому из них не удалось преодолеть требуемое расстояние.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Заголовок раздела. 8. Внесистемная единица количества теплоты. 9. Стержень с резьбой. 10. Русский композитор. 12. Хлебный напиток. 13. Парусный военный корабль. 15. Морское животное семейства дельфиновых. 17. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Цыганы». 19. День недели. 21. Цветок. 23. Рыба рода дальневосточных лососей. 25. Вид изобразительного искусства. 26. Белорусский поэт. 28. Сорт слив. 29. Звено гусеницы. 30. Болгарский смычковый инструмент. 31. Советский авиаконструктор.

По вертикали: 1. Русский живописец, передвижник. 2. Скотовод в Монголии. 3. Созвездие южного полушария неба. 4. Английский естествоиспытатель. 5. Войсковая часть. 6. Высочайшая горная система. 11. Морская птица. 14. Пьеса М. Горького. 16. Спортивный инвентарь теннисиста. 17. Столица Ганы. 18. Река в Архангельской области. 20. Старинный экипаж. 22. Изменение скорости химической реакции. 24. Материк. 25. Порода собак. 27. Часть плоскости, ограниченная окружностью. 29. Внутреннее помещение судна.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали: 4. Направник. 6. «Эгмонт». 7. Неолит. 10. Статист. 12. Климов. 13. «Гамлет». 15. Баккара. 18. Фокстерьер. 19. Невельской. 22. Таганай. 24. Курсив. 25. Золото. 26. Куранты. 31. Ампула. 32. Цвирка. 33. Астрахань.

По вертикали: 1. Грамматика. 2. Эпитет. 3. Ананас. 4. Неон. 5. «Клоп». 6. Эскиз. 8. Трель. 9. Гортензия. 11. Нагульнов. 12. Колонок. 14. Толокно. 16. Арена. 17. Риека. 20. Кавалькада. 21. Прага. 23. «Тоска». 27. Урарту. 28. Тициан. 29. Кура. 30. Линь.

На первой странице обложки: Эти фотографии сделаны во Всесоюзном научно-исследовательском институте искусственного волокна.

Лаборантка Людмила Набатчикова и инженеры Валентина Синицина, Зинаида Кузенкова и Наталья Милюкова трудятся в этом славном коллективе (см, в номере репортаж «Конкурируя с природой»).

Фото А. Бочинина.

На четвертой странице обложки: «Солнышко» — такое веселое название дали детскому саду в крымском колхозе «Россия».

Фото Б. Кузьмина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 18/XII-72 г. А 00775. Подп. к печ. 2/I-73 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 21. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 3917.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

К. ЧЕРЕВКОВ,
Л. ШЕРСТЕННИКОВ

— Что такое ресторан!

Мы недоуменно переглянулись, воспринимая вопрос директора ресторанов ленинградской гостиницы «Европейская» Рамазана Хаджи-Мусаевича Дзарахохова как шутку. Надо полагать, что человек, доживший до определенного возраста, имеет представление о подобных заведениях.

— Это, во-первых, кухня, во-вторых, обслуживание, сервис, в-третьих, музыкальное оформление. Без этих трех факторов, трех китов, — директор темпераментно отрезал, — ресторана нет!

Наши мнения с товарищем разошлись. Один из нас отдавал предпочтение уютному домашнему столу. Другой, напротив, считал, что ресторан — благо, не только спасающее хозяина и хозяйку от массы хлопот, когда они хотят встретиться с друзьями за праздничным столом, но и место культурного отдыха. Все это и привело нас на угол Невского проспекта и улицы Бродского, в ресторан «Садко», слава о котором как о чисто русском ресторане дошла и до нас.

Итак, кухня. Грубо говоря, это то, что у тебя в тарелке, вкус блюда и его вид. Говоря шире, это целая наука, где традиции должны переплетаться с современностью, с новыми требованиями, это борьба за чистоту (не только в смысле гигиены!) блюд, чистоту вкусов, чистоту русской национальной кухни (и это тоже не в последнюю очередь), создание собственной кухни ресторана.

Михаил Кузьмич Дрялгин — шеф-повар «Садко», мастер старейшей архиповской школы. Был такой знаменитый

Директор ресторана Р. Х.-М. Дзарахохов, старший метрдотель А. И. Рыжова и метрдотель А. Ф. Перова.

ПРИГЛ

питерский повар Архипов. Работал еще в ресторане Дюбуа, но русскую кухню не засорял наносным, не имеющим к ней отношения. Коммунист, в Отечественную войну матрос Балтфлота, Михаил Кузьмич окончил затем Институт советской торговли. 40 лет готовит он русские блюда. И вот письма. Немцы зовут Кузьмича на открытие гостиницы «Нева» в Дрездене и ресторана при ней. Да не просто зовут, а просят помочь им освоить там русскую кухню. Вот оно, куда слава дошла о рассольниках из куриных потрошков да об ухе с расстегаями!

Второе — обслуживание.

— Жаль,— говорит директор,— у нас такой науки не ведется. А вот в некоторых странах учебник официанта начинается с описания клиента. А клиент бывает шестнадцати типов. И к каждому ты должен найти подход, в считанные мгновения «угадать» его, прочесть настроение.

Старший метрдотель ресторана Анна Ивановна Рыжова — обаятельная и интеллигентная хозяйка зала — утверждает:

— Угрюмый, неприветливый человек не должен идти на работу в ресторан, на работу, где доброжелательность и чуткость — суть профессии.

На столике, за который мы присели, стояла визитная карточка: столик обслуживает Галина Трошкина. Тут же на столе лежал тисненный золотом ее рабочий паспорт. Посетителю нет необходимости просить книгу жалоб и пожеланий, свои замечания он может занести в паспорт официантки.

...К ресторану подъехали автобусы. Большая группа туристов — 400 человек — должна была одновременно сесть за столы. И сразу же замелькали между столиками красные сарафаны официанток. Хозяйки принимали гостей.

...Вечерний туман опустился над городом, накрапывал дождь. Зашторены окна «Садко». В зал вошли музыканты и солисты ансамбля русских народных инструментов. Начинался концерт. В программе — русские и советские песни, романсы, классическая музыка. Спокойная, тихая обстановка царит в ресторане. В Русском зале не танцуют, публика здесь сидит за столиками и слушает концерт. А если захочется потанцевать, можно пройти в другой, изолированный от первого Красный зал. Там эстрадный оркестр.

В девятом часу вечера мы покинули ресторан. Швейцар стоял у закрытой двери. На ней висела табличка: «Извините. Свободных мест нет». Мы улыбнулись друг другу:

— А что, это, пожалуй, лучше, чем увидеть на иных дверях: «Ресторан закрыт. Проводится мероприятие».

Город зажигает огни.

АШАЕТ «САДКО»

Галина Трошкина — мастер хорошего настроения.

В Русском зале собираются гости...

Тульский, настоящий!

Легкость и изящество.

Поет Юлия Лебедева.

С Новым годом!

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663